141
320

В. А. Уляницкій.

СНОШЕНІЯ РОССІИ

СЪ

СРЕДНЕЮ АЗІЕЮ И ИНДІЕЮ

ВЪ XVI—XVII ВВ.

По документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1889.

I.

Первымъ извѣстнымъ по лѣтописямъ русскимъ путешественникомъ въ Индію былъ тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ, отправившійся съ дозволенія великаго князя тверскаго Михаила Борисовича въ концѣ XV вѣка изъ Твери при посолствѣ В. Папина, Волгою до Астрахани, затѣмъ черезъ Дербентъ и персидскія владѣнія до Ормуза, гдѣ пламенное солнце жжетъ человѣка, далѣе чрезъ море Индійское, Маскатъ и Гузуратъ до Чувиля. „И тутъ есть Индійская страна". Далѣе черезъ городъ Чюнерей, стоящій на острову на каменномъ „а не обдѣланъ ничѣмъ, Богомъ сотворенъ, а ходятъ на гору день по одному человѣку, дорога тѣсна—двумъ пройти нельзя", Аѳанасій прошелъ къ Бедерю, „большему ихъ городу" и далѣе. Особенное вниманіе его обратила на себя многочисленность городовъ въ Индіи—на всякій день по три города, а иной по четыре города. Бедеръ же столица Гундустана бесерменскаго, городъ большой и людей въ немъ очень много. Понятно, что А. Никитинъ, подобно всякому иному путешественнику, побывавшему въ невѣдомыхъ ранѣе странахъ, обращаетъ въ описаніи своего путешествія главное вниманіе на тѣ особенности внѣшняго быта этихъ странъ, которыя представляютъ наиболѣе разительное отличіе отъ быта родной его страны. Такъ, его поражаетъ, что въ Индѣйской странѣ „люди ходятъ всѣ наги, а голова не покрыта а груди голы, а власы въ одну косу заплетены, а дѣтей родятъ на всякій годъ и дѣтей у нихъ много, а мужики и женки всѣ наги и всѣ черны,—я куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому человѣку. Князь носитъ фату на головѣ, а другую, на гузнѣ; бояре и княгини носятъ фату на плечахъ и на гузнѣ; а слуги княжіе и боярскіе только на гузнѣ, вооружены различно, но не огненнымъ боемъ; всѣ наги да босы и волосъ не брѣютъ; а женки ходятъ голова не покрыта, и груди голы; а парубки и дѣвочки ходятъ совершенно нагія до 7 лѣтъ. Зима продолжается тамъ 4 мѣсяца—вездѣ дождь и грязь, и въ это время тамъ пашутъ и сѣютъ пшеницу и все съѣстное. Индѣяне не ѣдятъ ни мяса, ни рыбы, и вина не пьютъ, и ѣства у нихъ плоха, и ножа не держатъ, и ложекъ не употребляютъ, а са-

дясь за ѣду омываютъ руки и ноги, и ротъ пополаскиваютъ. Женщины у нихъ сорома не знаютъ, ведутъ себя вольно съ гостями и любятъ гостей людей бѣлыхъ, „потому что ихъ люди черны вельми“.

Затѣмъ мы находимъ у А. Никитина описаніе видѣнныхъ имъ на пути городовъ и странъ, обычаевъ и нравовъ населенія, мѣстныхъ достопримѣчательностей, особенностей климата, животнаго и растительнаго царства.

Понятно, что въ этихъ описаніяхъ попадаются свѣдѣнія и сказочнаго характера. Такъ, изъ индѣйской фауны Аѳанасій отмѣчаетъ птицу гукукъ, „летаетъ ночи, и кличетъ кукъ-кукъ, а на которой хороминѣ сидитъ, то тутъ человѣкъ умираетъ, а если кто захочетъ ее убить, то у нея изъ клюва огонь выйдетъ.“ Въ свитѣ султана въ числѣ гусельниковъ, плясцовъ, варганниковъ, свирѣльниковъ, Аѳанасій упоминаетъ объ обезьянахъ. „А обезьяны, говоритъ онъ, живутъ по лѣсу, а есть у нихъ князь обезьянскій, и ходитъ ратью своею, а кто ихъ обидитъ, и онѣ жалуются князю своему и придя на городъ дворы разваляютъ и людей побьютъ; а рати ихъ, сказываютъ, очень много, а языкъ есть у нихъ свой, и дѣтей родятъ много, а который родится ни въ отца, ни въ матерь, и они тѣхъ мечутъ по дорогамъ, а гундустанцы тѣхъ ловятъ и учатъ ихъ всякому рукодѣлью“.

Но хотя Аѳанасія Никитина естественно интересовали различныя сказочныя диковинки сказочной страны, однако цѣль его путешествія была не простое любопытство или любознательность. У него были очевидно цѣли практическія, коммерческія. Мы находимъ у него подробное описаніе всѣхъ важнѣйшихъ портовъ и торговыхъ городовъ Индіи. Такъ, онъ былъ въ Гурмызѣ, великомъ пристанищѣ, гдѣ всего свѣта люди бываютъ и гдѣ можно найти всякій товаръ, что во всемъ свѣтѣ родится; въ Камбаятѣ, пристанищѣ на Индѣйскомъ морѣ, гдѣ дѣлаются всякіе товары—алачи, пестряди, киндяки, краски; въ Дабылѣ, тоже гавани, средоточіи конскаго торга; въ Келекотѣ (Калькутта, на Малабарскомъ берегу) гдѣ родится много пряностей и гдѣ все дешево; въ Силянѣ, (Цейлонѣ) гдѣ родятся драгоцѣнные камни и слоны; въ Шабатѣ, гдѣ родится шелкъ, сахаръ, сандалъ, жемчугъ, и все дешево, только ночью дороги около него опасны—ходятъ мамоны и обезьяны и людей дерутъ; въ Бедерѣ, гдѣ торгъ на коней, на товаръ, на камки, на шелкъ, „но покупаютъ тотъ товаръ люди черные, и иной купли въ немъ нѣтъ, товаръ все гундустанскій, да съѣстной все овощъ, а на Русскую землю товара нѣтъ“.

Эта фраза, что „на Русскую землю товара нѣтъ“ весьма характерна,—она вполнѣ разъясняетъ цѣль путешествія Никитина въ Ин-

дію. И въ этомъ отношеніи, съ его точки зрѣнія это трудное, далекое путешествіе оказалось совершенно безплоднымъ; несмотря на видѣнные имъ дорогіе товары, онъ говоритъ: „мене залгали псы Бесермены, а сказывали много всего нашего товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлый, на Бесерменскую землю, перецъ да краска, то и дешево; ино возятъ аче и моремъ, и они пошлины не даютъ, а пошлинъ много, а на морѣ разбойниковъ много". При описаніи Гурмыза онъ также жалуется, что „тамга тамъ велика,—десятое со всего емлютъ". Аѳанасій кромѣ того жалуется и на дороговизну жизни въ Индіи.

Обратно Никитинъ ѣхалъ чрезъ Дабиль, городъ очень большой, куда съѣзжается вся поморія Индійская и Ефіопская, затѣмъ моремъ чрезъ Ефіопію, Мошкатъ, Гурмызъ, Ширязъ, Тебризъ, Трапезундъ и Кафу [1].

Таковы впечатлѣнія и свѣдѣнія, вынесенныя первымъ, быть можетъ, нашимъ путешественникомъ изъ посѣщенія имъ Индіи. Очевидно главное побужденіе для русскихъ купцовъ къ подражанію попыткѣ, сдѣланной Никитинымъ,—надежда на торговыя выгоды,—отпадало. Не могло поощрить ихъ къ этому и замѣчаніе Никитина, что кто хочетъ пойти въ Индѣйскую землю, тотъ долженъ оставить вѣру свою на Руси и воскликнуть Махмета. Наконецъ, притѣсненія и грабежи, которымъ онъ подвергался на пути.

Не было, съ другой стороны, и политическаго мотива къ сношеніямъ съ отдаленною Индіею; когда, въ 1533 году, въ Москву пріѣхалъ индѣецъ „гость" Таусеинъ-Хозя съ товарами и грамотою отъ индѣйскаго владѣтеля Бабуръ-падши, которою послѣдній предлагалъ великому князю Василію Іоанновичу быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ, то по распродажѣ Таусеиномъ Хозею всѣхъ своихъ товаровъ, онъ былъ отпущенъ съ отвѣтною отъ великаго князя къ Бабуръ-падшѣ грамотою, въ которой писано было „чтобъ люди промежъ ихъ ѣздили; а о братствѣ къ нему великій князь не приказалъ, потому что не вѣдаетъ его государства, невѣдомо—онъ государь или государству этому урядникъ".

Въ виду всего этого нѣтъ основаній предполагать, чтобы вопросъ о сношеніяхъ съ Индіею самъ по себѣ интересовалъ московское правительство и русскихъ купцовъ до XVII в. Хотя безыменный авторъ „Relazio-

---

[1] *Софійскій Временникъ*, изд. Строева, ч. II. 145—164. Ср. также комментаріи къ Хожденію въ изслѣдованіи объ немъ Срезневскаго (Учен. Зап. II отд. Имп. Академіи Наукъ, кн. II, вып. 2, стр. 265 сл.)

ne dell' Imperie di Moskovia" 1553 года и говоритъ, что мысль объ отысканіи пути въ Индію сильно занимала Іоанна Грознаго [2], но извѣстно, что Іоаннъ поддерживалъ дѣятельныя сношенія съ англичанами, а также извѣстно, что главною первоначальною цѣлью образовавшагося въ половинѣ XVI в. въ Англіи общества „Mistery" было отысканіе пути въ Индію и Китай чрезъ сѣверныя страны [3]. Вмѣсто Индіи первая наряженная компаніею экспедиція попала въ Бѣлое море. Результатомъ этого и ласковаго пріема, оказаннаго Іоанномъ IV Ченслеру было преобразованіе „Мистеріи" въ „Русскую компанію" и заведеніе торговыхъ сношеній между Англіею и Россіею [4]. Однако несмотря на всю прибыльность торговли съ Россіею, мысль о пути на Востокъ не оставляла англичанъ [5],—проложеніе новаго пути (чрезъ Россію) въ Персію и Индію, о которомъ тогда мечтали всѣ западные народы, могло послужить для англичанъ къ пріобрѣтенію того преобладающаго въ торговлѣ положенія, какимъ пользовались тогда Португалія и Испанія; поэтому неудивительно, если они надѣялись проложить этотъ путь чрезъ Россію и Бѣлое море. Дѣйствительно, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Іоанна IV англичанинъ Дженкинсонъ представилъ царю сначала проектъ открытія торговаго пути въ Китай чрезъ Бухарію, а когда экспедиція эта, несмотря на оказанную ей царемъ поддержку, не удалась, то онъ предложилъ новый проектъ торговли съ Персіею. Надо замѣтить, что Персія въ это время была въ войнѣ съ Турціею, чрезъ которую главнымъ образомъ шла ея торговля, и что этимъ обстоятельствомъ думали воспользоваться для направленія ея

---

[2] Il Imperatore, per facilitar un tal viaggio, ha proposto premii grandissimi, sperando a prendoli la via, di far un corsivo viaggio, mediante il quale cresceria grandamente il datio e le gabelle, oltre che per il picciolo pretio i suoi Moscoviti s'accomodarano di speciarie che gran quantita ne consumano. У Карамзина, IX, прим. 260, мы находимъ извѣстіе что Іоаннъ отправлялъ купцовъ въ Гурмызъ, упоминаемый Никитинымъ въ числѣ индійскихъ портовъ.

[3] Ранѣе этого, именно въ 1520 г., пріѣзжалъ въ Москву для отысканія сухопутнаго пути въ Индію генуэзецъ Павелъ Центуріонъ, а въ 1537 г. венеціанецъ Марко Фоскарини.

[4] См. подробности: Гамель, Англичане въ Россіи, и Костомаровъ, Очерки торговли Московскаго государства.

[5] Доказательство, что „Мистерія" была сначала переименована въ „Компанію для торговли съ Россіею, Персіею и сѣверными странами", а потомъ уже въ „Русскую компанію".

чрезъ Россію. Этотъ проектъ также не удался [6]. Тѣмъ не менѣе англичанамъ удалось получить отъ царя исключительное предъ всѣми другими иностранцами право торговли съ Бухаріею, Персіею, Индіею и Китаемъ [7], съ однимъ только ограниченіемъ, что привозимые ими оттуда товары прежде отправки ихъ за границу должны были быть представляемы государю, который могъ оставить изъ нихъ „годныя для своей казны", съ уплатою впрочемъ стоимости ихъ. Впослѣдствіи Іоаннъ ограничилъ отчасти это право англичанъ, обусловивъ его особымъ на каждый разъ разрѣшеніемъ и уплатою половинной пошлины, но при Ѳедорѣ Іоанновичѣ по просьбѣ Елизаветы англичанамъ снова разрѣшено было ѣздить безпошлинно въ Персію и Бухарію, хотя и отказано въ другой просьбѣ—способствовать имъ въ отысканіи пути въ Китай [8]. Наконецъ при Борисѣ Годуновѣ Іаковъ I просилъ разрѣшить англичанамъ свободный пропускъ чрезъ Россію въ Персію, Индію, восточныя страны и Китай для отысканія ближайшаго и вѣрнѣйшаго пути нежели моремъ, мимо мыса Доброй Надежды, къ обоюдной пользѣ Англіи и Россіи. При этомъ англійскій посолъ объяснилъ, что драгоцѣнности, перевозимыя купцами изъ страны въ страну, оставляютъ на пути золотые слѣды [9]. Но Борисъ, несмотря на свое расположеніе къ англичанамъ, быть можетъ вслѣдствіе частыхъ жалобъ на нихъ русскихъ купцовъ, уклонился отъ этого, ссылаясь на то, что де въ Персіи господствуютъ безпорядки, что поэтому путешествіе туда сопряжено съ опасностями, и онъ, заботясь объ англійскихъ гостяхъ, не можетъ дозволить имъ отваживаться на явную опасность.

Такимъ образомъ, Персія, Индія, Бухара были почти постояннымъ предметомъ переговоровъ Англіи съ Московскимъ государствомъ. Поддерживать и развивать торговыя сношенія съ среднеазіятскими государствами для московскаго правительства явился прямой разсчетъ, такъ какъ установленіе англоазіятскаго транзита черезъ Россію должно было по необходимости служить на пользу русской казны и русской торговли.

Но помимо этого, оживленію торговыхъ сношеній Москвы съ Среднею Азіею способствовало и покореніе Казани, а въ особенности Астрахани, гдѣ издавна сосредоточивалась среднеазіятская торговля [10].

---

[6] Карамзинъ VIII, гл. 4; IX, гл. 2; Гамель; Костомаровъ.

[7] Костомаровъ; Карамзинъ IX, гл. 2.

[8] Карамзинъ, X, гл. 3.

[9] Карамзинъ, XI, гл. 1; Англійск. дѣла 1604.

[10] Въ Астрахань до XVI в. пріѣзжали и венеціанскіе купцы изъ Таны

Уже въ 1557—58 годахъ владѣтели Хивы, Бухаріи и Самарканда прислали къ царю Ивану Васильевичу пословъ съ любовнымъ челобитіемъ: просить дозволенія своимъ купцамъ пріѣзжать для торга въ Астрахань, что̀ и было имъ разрѣшено. Вслѣдъ за тѣмъ Шемахинцамъ, Бухарцамъ, Хивинцамъ и другимъ азіятамъ разрѣшена была торговля и въ другихъ русскихъ городахъ вслѣдствіе отправленныхъ отъ царя Іоанна „грамотъ о купечествѣ“ къ ихъ владѣтелямъ, въ томъ числѣ и къ „ближнему сусѣду, ташкентскихъ странъ здержателю [1]“.

Этимъ ограничиваются документальныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Московскаго государства съ среднеазіятскими странами до смутнаго времени Сношенія эти имѣли чисто торговый характеръ и активная роль въ нихъ принадлежала повидимому азіятамъ. По крайней мѣрѣ мы не находимъ за это время слѣдовъ поѣздокъ русскихъ купцовъ въ среднюю Азію, что объясняется отчасти конечно опасностью такихъ поѣздокъ. Точно такъ-же и иниціатива правительственныхъ сношеній принадлежала всегда азіятскимъ владѣльцамъ, причемъ однако единственнымъ предметомъ этихъ сношеній являлись торговля и просьбы о какихъ либо рѣдкостныхъ предмѣтахъ для ханскаго двора. Московское правительство, сознавая выгоду торговыхъ сношеній съ среднею Азію рѣдко и отказывало въ этихъ просьбахъ, но при этомъ московскіе государи съ полныхъ сознаніемъ собственно достоинства относились къ среднеазіятскимъ владѣльцамъ. Мы уже отмѣтили фактъ отказа въ „братствѣ“ индѣйскому владѣльцу. Другой, еще болѣе характерный эпизодъ этого рода мы встрѣчаемъ въ отношеніяхъ къ Бухарскому эмиру. Именно, въ 1585 году приходилъ съ разрѣшенія государя въ Москву съ юргенскимъ посломъ Хозь-Магметомъ степью чрезъ Казань бухарскій посолъ Магметъ-Алей. Оба посла были приняты государемъ и вслѣдствіе жалобы Магметъ-Алея съ товарищи о взятой съ нихъ лишней пошлинѣ царь Ѳедоръ Іоановичъ издалъ указъ къ воеводамъ казанскимъ и другихъ городовъ о невзысканіи съ бухарскихъ посланниковъ пошлинъ и о данномъ имъ дозволеніи купить воску, меду, вина, юфти и другихъ товаровъ и пять душъ полону нѣмецкаго (sic) [2].

Однако эта попытка бухарскаго царя къ открытію сношеній съ Москвою оказалась не въ вполнѣ удачной, вслѣдствіе нарушенія

(Азова). Хивинскіе и бухарскіе купцы пріѣзжали впрочемъ и внутрь Россіи; по показанію лѣтописцевъ, въ Нижній Новгородъ они ѣздили уже въ XIV вѣкѣ (1364 г.).

[1] Карамзинъ VIII, прим. 415; IX, прим. 258.

[2] Бухарск. дѣла 1585—1589 г. св. I.

въ грамотѣ, присланной отъ него съ Магметомъ-Али одного изъ самыхъ щекотливыхъ для московскаго двора пунктовъ,—царь не соблюлъ надлежащаго этикета въ ней. По крайней мѣрѣ съ Магметомъ-Али былъ отправленъ въ Бухару гонцемъ къ царю и мусюльманскаго закона правителю, государю бухарскіе земли Абдулъ-Багатырю, служилый татаринъ Байбиря Тайшевъ съ грамотою отъ его царскаго величества ближнія думы боярина Бориса Годунова (іюля 7097—1589), въ которой послѣдній выговариваетъ царю за то, что онъ въ грамотѣ своей къ Ѳедору Іоанновичу имя его государево написалъ безъ царскаго именованія и многія слова въ ней написалъ не по пригожу; другіе де государи братья его государевы, цесарь римскій и салтанъ турскій и король ишпанскій и иные великіе государи въ своихъ грамотахъ имя царское пишутъ сполна по его царскому достоинству съ царскимъ именованіемъ и о дѣлахъ пишутъ съ великимъ прошеніемъ и съ великою любовью, „а ты къ такому великому государю пишешь въ грамотахъ безъ царскаго именованія; а ты вѣдай и про меня государскаго холопа, съ какою ласкою и любовью пишутъ ко мнѣ великіе государи“. Далѣе Годуновъ увѣдомляетъ хана, что государь велѣлъ было и ссылку съ нимъ ханомъ урвать и на человѣка его опалу наложить и лишь по ходатайству его, Годунова, и другихъ бояръ, государь, несмотря на ханово письмо, пожаловалъ его человѣка, освободивъ его отъ платежа обыкновенныхъ пошлинъ и выдавъ требованныхъ 25 кречетовъ, отпустилъ его въ Бухару со своимъ гонцомъ; въ заключеніе Годуновъ совѣтуетъ царю загладить предъ государемъ это оскорбленіе, обѣщаясь со своей стороны предстательствовать, чтобы взаимная ссылка не прерывалась [3].

Послѣ того мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о характерѣ сношеній Москвы съ Бухарою до 1619 года.

Смутное время, отразившееся, конечно, неблагопріятно и вообще на иностранной торговлѣ Россіи, ознаменовалось для нашей азіятской торговли разграбленіемъ главнаго ея пункта—Астрахани—Заруцкимъ.

II.

Съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича и возстановленіемъ спокойствія въ Московскомъ государствѣ снова поднимается астраханская торговля. Въ 1616 году пріѣхалъ въ Москву юргенскій (хивинскій) посолъ ходжа Юсуфъ съ грамотою къ царю отъ юргенскаго царя

[3] Бухарск. грам. № 1.

Арапъ-хана, въ которой послѣдній благодарилъ государя за присланныя съ прежними гонцами грамоты, извѣщалъ что ему будетъ пріятно, если государь *по примѣру своихъ предковъ* будетъ съ нимъ въ дружбѣ и если между обоюдными подданными будетъ производиться торговля. Въ отвѣтъ Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ, что онъ согласенъ на то чтобы хивинскіе купцы пріѣзжали по прежнему на Кабалы-Клейскую пристань, куда будутъ посыланы бусы для перевозки ихъ съ товарами въ Астрахань, а оттуда по Волгѣ и въ другіе русскіе города [4].

Вслѣдъ за хивинскимъ посольствомъ, въ 1619 году явился въ Москву бухарскій посолъ Эдемъ отъ царя Имамъ-Кулы. Въ отвѣтъ на посольство Эдема [5], отправленъ былъ къ Имамъ-Кулѣ посланникъ Иванъ Хохловъ съ грамотой [6] отъ Михаила Ѳедоровича въ которой государь благодарилъ и похвалялъ царя за присылку посла и за изъявленіе дружества его и желаніе быть во взаимномъ согласіи и любви, выражалъ согласіе на дружбу и ссылку по примѣру прежнихъ великихъ государей и царей россійскихъ и бухарскихъ, увѣдомлялъ его, что въ знакъ пріязни своей посылаетъ къ нему четырехъ добрыхъ кречетовъ со всѣмъ ихъ нарядомъ и рукавицею и что по просьбѣ его дано знать указами казанскимъ, астраханскимъ и другихъ городовъ воеводамъ о позволеніи подданнымъ его бухарцамъ торговать всякими товарами повольно и о защищеніи ихъ ото всякихъ обидъ и наконецъ требовалъ, чтобы на такомъ же правѣ и русскіе подданные могли пріѣзжать въ Бухарскую землю съ товарами, просилъ объ отпускѣ имѣющихся во владѣніяхъ его русскихъ плѣнныхъ и о незадержаніи посланника Хохлова.

Въ наказѣ или инструкціи, данной Хохлову, ему было предписано по прибытіи въ Бухарію объявить хану, что присланъ онъ отъ государя *по его ханову прошенію* о добрыхъ дѣлахъ. Затѣмъ главное вниманіе въ наказѣ обращено церемоніальные вопросы. Напримѣръ приказано въ случаѣ, если ханъ при упоминаніи царскаго имени не встанетъ и про государево здоровье спроситъ сидя, то объявить ему, что другіе государи такъ не поступаютъ и ему, хану, при-

---

[4] Хивинскія дѣла, 1616—1617 г., связ. 1 а.

[5] Вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Москвѣ юргенскій посланникъ Регимъ-Кула (1619 г.).

[6] Отправленіе Хохлова и отпуекъ бухарскаго и юргенскаго пословъ см. въ Бухарск. дѣлахъ связ. 1, 1620, № 1; Статейный списокъ Хохлова тамъ же 1622; грамота 26 мая 7128—1620 г. въ бухарскихъ грамотахъ, № 3.

гоже царскаго величества честь остерегать и имя его почитать подобно другимъ государямъ. Съ Хохловымъ отправлены были „поминки“ хану и государевы товары, причемъ ему строго наказано при покупкѣ въ Бухаріи и Хивѣ товаровъ про царскій обиходъ, отнюдь никакихъ пошлинъ не платить.

Хохловъ отправился вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ Москвы юргенскимъ и бухарскимъ посломъ отъ Астрахани моремъ; тутъ бурею бусу его отнесло къ кочевымъ тюркменцамъ и башкирцамъ, „которые никоторому государству не послушны, только дань платятъ юргенскому царю“, и бусу разбило. Однако Хохловъ съ людьми и товарами успѣлъ спастись. Но тутъ на него напали кочевники. Хохловъ укрѣпился городкомъ, оклался каменьемъ и бой учинилъ: приказалъ стрѣлять по нихъ изъ пищалей. Увидя пищальную стрѣльбу, туркменцы на приступъ не пошли и начали переговоры, обѣщаясь за откупъ проводить Хохлова до Юргенскаго царства. Такъ какъ посредничество юргенскаго посла не помогло и такъ какъ, хотя послѣ двухдневныхъ переговоровъ туркменцы „видя что имъ ничего взять не удается“, стали приводить лошадей и верблюдовъ на продажу, но между тѣмъ замышляли новое нападеніе, то Хохловъ послалъ случайно попавшагося тутъ одного знакомаго юргенскому послу туркменскаго „мужика“ въ Юргенчъ къ хану съ просьбой выручить его. Отвѣта никакого получено не было, и самъ посланный не вернулся; послѣ трехнедѣльной осады, чтобы не погибнуть съ голоду, Хохлову пришлось сдаться и уплатить значительный откупъ. Послѣ оказалось, что туркменцы подѣлились награбленнымъ съ присланною отъ хана стражей и юргенскимъ ханомъ. Но этимъ дѣло еще не окончилось. Попался на пути юргенскій царевичъ и неволею и угрозами заставилъ Хохлова дать ему подарки, впрочемъ угостилъ лепешкой и жареной рыбой сазаномъ, послѣ чего отпустилъ его далѣе къ отцу. Однако юргенскіе царевичевы есаулы объявили Хохлову, что хотя царевичъ и отпустилъ его, но они его не отпустятъ пока онъ не дастъ имъ подарковъ. Пришлось откупиться—дать два ефимка да фляжку вина. Наконецъ, пріѣхавъ въ Хиву, побывъ у юргенскаго царя на обѣдѣ, причемъ „въ столѣ было есть предъ царемъ мясная ѣства въ одномъ блюдѣ, да молока ставецъ, да каши блюдо, а больше не было ничего, а Хохлову дали лепешку да полдыни, а иной никакой ѣствы не было, потому что былъ филиповъ постъ и рыбы у нихъ никакой нѣтъ, а питья поднесли того же вина, что Хохловъ принесъ, чарку да ведро браги, а больше того ничего не было“, вручивъ хану царскіе подарки и получивъ отъ него халатъ бархатный червчатый и ячменя, наконецъ выдавъ царевичамъ по ихъ требованію по-

БИБЛ.

дарки [1], Хохловъ отправился наконецъ въ Бухарію. Откупившись на рѣкѣ Даріи (несмотря на предъявленіе ханскаго ярлыка) отъ уплаты пошлинъ, Хохловъ пріѣхалъ степью въ Бухарію на своихъ лошадяхъ, такъ какъ въ подводахъ ему было отказано. Хана въ Бухарахъ не было (онъ ходилъ въ это время въ Шамархантъ на ташкентскаго султана). Пришлось ѣхать къ нему, такъ какъ согласно данному ему наказу, Хохловъ не согласился передать кречетовъ и грамоту никому, кромѣ самого хана. Въ Шамархантѣ ханъ принялъ посланника съ честью. Хотя при передачѣ хану государева поклона и противъ царева имени ханъ не всталъ, но когда Хохловъ объяснилъ ему, что по обычаю всѣ великіе государи христіанскіе и мусульманскіе имя государево почитаютъ и противъ государева имени встаютъ, и братство и дружбу его принимаютъ любительно и о здоровья государевѣ спрашиваютъ, то ханъ извинился, объяснивъ, что долгое время пословъ изъ Москвы не было, а онъ посольству Хохлова обрадовался и слушалъ государевъ поклонъ и слова пріятно, а не всталъ онъ противъ его государева имени и поклона не для нелюбья, а потому что замыслился на его рѣчахъ. Въ заключеніе ханъ обѣщалъ исполнить желанія государя и отпустилъ съ Хохловымъ 29 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, а двоихъ еще выкупилъ самъ Хохловъ.

Изъ Бухаръ Хохловъ думалъ ѣхать обратно чрезъ Персію, но юргенскіе царевичи [2] прислали просить его ѣхать чрезъ Хиву, такъ какъ де этотъ путь ближе, причемъ обѣщали оказать послу должную защиту, и на этомъ „душу давали“. Хохловъ согласился. Однако несмотря на обѣщанія, переводчикъ его былъ ограбленъ, изъ числа выданныхъ бухарскимъ ханомъ русскихъ плѣнныхъ 23 человѣка уведены и, въ довершеніе всего, противъ посольскаго обычая, его „опозорили, таможники ему насилство учинили, пошлины и кормъ на немъ взяли, чего нигдѣ, ни въ какихъ государствахъ не ведется“.

Послѣ многихъ другихъ еще непріятностей и задержекъ Хохловъ былъ наконецъ отпущенъ и въ 1622 году вернулся въ Астрахань съ младшимъ Авганомъ царевичемъ юргенскимъ, котораго Хохловъ убѣдилъ вступить на службу къ царю, съ посланникомъ юргенскимъ и съ нѣсколькими русскими плѣнниками, съ ихъ женками и ребятами.

---

[1] Они грозили въ противномъ случаѣ убить посла какъ убили Левонтія Юдина, ѣздившаго въ Бухарію и въ Индію для торговли, и бывшаго тамъ 9 лѣтъ.

[2] Ослѣпившіе между тѣмъ отца и захватившіе власть въ свои руки.

Въ Москвѣ Хохловъ сообщилъ собранныя имъ въ посольствѣ свѣдѣнія: что Бухарская земля раздѣлилась на двое, подѣлена двумя братьями,—одному досталась Бухара, а другому Балхъ; Балхъ граничитъ съ Персіею и Индіею; балхинскій царь Надиръ хотя любимъ народомъ, но во враждѣ съ Персіею и Индіею, вслѣдствіе чего индѣйскій шахъ у балхинскаго Надиръ-царя промыслъ отнялъ, торговыхъ своихъ людей къ нему и въ Бухары не пускаетъ и бухарскимъ торговымъ людямъ своихъ товаровъ въ Бухары вывозить не даетъ. И нынѣ у нихъ о томъ ссылка и чаютъ мира. У бухарскаго царя бой съ ташкентскимъ, а кизилбашскій шахъ Аббасъ бьется съ индійскимъ шахъ-Селимомъ и взялъ у него городъ Кандагеръ. Городовъ въ бухарской землѣ сказываютъ съ 30, а въ юргенской четыре населенныхъ. Постройки въ нихъ глиняныя, изъ необожженаго кирпича,—постройки изъ него тамъ возможны потому что дожди тамъ рѣдки,—а наряду де въ городахъ пушекъ и пищалей нѣтъ,—въ Бухаріи онъ видѣлъ только одну желѣзную пищаль; а людей воинскихъ конныхъ въ обѣихъ Бухарахъ собирается по разсказамъ со 100.000, причемъ на долю Юргенча приходится 12.000, пѣшихъ же вовсе нѣтъ.

Понятно, что пріемъ, оказанный нашему посланнику въ Хивѣ и Бухаріи, не могъ особенно расположить московское правительство къ новымъ попыткамъ въ этомъ родѣ. И дѣйствительно, вскорѣ по возвращеніи Хохлова пріѣхалъ чрезъ Тюмень въ Тобольскъ бухарскій посолъ Чобакъ отъ хана Имамъ-Кулы [1]. Онъ предъявилъ тобольскому воеводѣ и боярамъ грамоту къ государю отъ хана, билъ царю челомъ бархатомъ червчатымъ и камочкою цвѣтною „плохими“, спрашивалъ о здоровьи государевомъ, и просилъ отъ имени хана о дачѣ трехъ кречетовъ для ханской потѣхи „а опричъ того отъ хана де ему ничего не наказано“. Воевода, не рѣшившись безъ царскаго указа дать ему кречетовъ и отпустить его, просилъ указа изъ Москвы, и въ отвѣтъ на это донесеніе приказано было, вызвавъ посла въ съѣзжую избу, возвратить ему тѣ дары, которыми онъ билъ челомъ, и отпустить его обратно, но кречетовъ не давать, потому что они потѣха царскаго величества, и посылаетъ государь кречетовъ отъ своей царской потѣхи къ братьямъ своимъ великимъ государямъ христіанскимъ и мусульманскимъ, которые съ нимъ въ братствѣ и въ дружбѣ и любви и ссылкѣ безъ урыву, а въ прошломъ году къ хану *по его присылкѣ* посыланъ былъ посланникъ Хохловъ, и съ нимъ изъ царской потѣхи

[1] О пріѣздѣ его см. Бухарскія дѣла 1633, приложенія.

кречеты для любви были посланы, а ханъ посланника держалъ у себя много времени и отпустилъ его ни съ чѣмъ, и посла своего къ намъ не прислалъ, да нашему посланнику въ Бухаріи приказные люди чинили многія насилства и убытки; „а нынѣ мимо нашего царскаго величества для кречетовъ присылаетъ ханъ посла въ Сибирь.“ Не довольствуясь отказомъ въ казенныхъ кречетахъ, царь приказалъ кромѣ того не допускать, чтобы посолъ купилъ кречетовъ у татаръ.

Послѣ этой неудачи бухарскаго посольства сношенія московскаго правительства съ хивинскимъ и бухарскимъ ханомъ пріостановились. Въ 1633 году пріѣхалъ въ Москву хивинскій посолъ Хозя-Магометъ отъ хана Исфендіара съ ханскою грамотою и съ письмами отъ бухарскаго и балхинскаго хановъ. Ханъ Исфендіаръ просилъ о возобновленіи взаимной пересылки и торговли, извѣщалъ о томъ, что путь между обоими государствами пресѣкся по причинѣ разбоевъ кочевыхъ калмыковъ, просилъ государя послать противъ нихъ подвластныхъ ему нагайцевъ, обѣщаясь съ другой стороны самъ напасть на нихъ чтобы, разогнавъ ихъ, сдѣлать дорогу безопасною, и наконецъ, просилъ о присылкѣ ему добраго панцыря и о возвращеніи захваченныхъ у бывшаго въ Москвѣ (въ 1623 году) юргенскаго посла пожитковъ [1]. Но это посольство оставлено было, повидимому, безъ отвѣта.

Въ какой мѣрѣ происходили частныя торговыя сношенія съ Среднею Азіею, опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ судя по разсказу хотя бы Хохлова о томъ, какимъ прижимкамъ и злоупотребленіемъ подвергались даже царскіе посланники и ходившіе подъ ихъ охраною купцы, трудно предположить, чтобы русскіе купцы рисковали пускаться въ столь опасныя торговыя путешествія. Въ этомъ впрочемъ не было и особенной надобности, такъ какъ торговыя выгоды побуждали самихъ азіятовъ пріѣзжать въ Московское государство съ товарами. Такъ, въ Астрахани, судя по всѣмъ даннымъ, происходилъ обширный торгъ азіятскимъ товарами. Любопытны и торговыя сношенія, установившіяся между Бухарою и Сибирью,—гдѣ средоточіемъ этой сибирско-бухарской торговли былъ Тобольскъ. Бухарцы даже въ Москву отправлялись главнымъ образомъ черезъ Тобольскъ и Самару. Насколько эта торговля съ бухарцами была важна и выгодна для

[1] Хивин. дѣла 1633—1634 г. Исфендіаръ присылалъ еще посольство въ 1639 году съ извѣщеніемъ о своемъ рѣшеніи женить сына и съ просьбою о присылкѣ для свадьбы серебряныхъ денегъ; посланникъ привезъ также царевичу Алексѣю Михайловиту грамоту отъ Исфендіарова сына, въ которой послѣдній просилъ царевича о присылкѣ ему соболей, лисицъ черныхъ и дѣвки черкасской доброй. (Хивин. дѣла, 1639—42, № 2).

Сибири, можно судить по челобитной сибиряковъ 1597 г., въ которой они просили у царя какъ милости, чтобы къ нимъ приходили изъ Бухары торговые люди съ товарами [1]. Эти бухарцы составляли между собою нѣчто въ родѣ торговаго товарищества и офиціально обозначались названіемъ „тобольскихъ бухарцевъ". Царь Михаилъ Ѳедоровичъ далъ имъ въ 1645 году льготу ѣздить для торговаго промысла въ Казань, Астрахань, въ Архангельскъ и въ Поморскіе города. Имъ были при этомъ дарованы и нѣкоторыя весьма существенныя привиллегіи, напр. не быть задержанными судомъ, исключая по долговымъ обязательствамъ и уголовнымъ дѣламъ, нанимать подводы, покупать суда; обѣщана также безопасность отъ притѣсненій воеводъ [2].

Вообще, судя по сохранившимся отъ того времени документамъ московское правительство покровительствовало торговымъ сношеніямъ съ Среднею Азіею; но при этомъ мы видимъ любопытное различіе къ правахъ предоставленныхъ азіятскимъ купцамъ смотря по качеству привозимыхъ ими товаровъ. Такъ, мы имѣемъ указъ 1623 г., [3] которымъ предписано было казанскимъ воеводамъ оказывать иноземнымъ купцамъ береженіе отъ всякаго насильства и обидъ, но не пропускать безпошлинно въ Москву бухарскихъ и персидскихъ торговыхъ людей, причемъ по качеству изъ товаровъ сдѣлано различіе между ними относительно тѣхъ городовъ, гдѣ они могутъ торговать. Именно, ѣдущихъ съ большими и узорочными товарами разрѣшается по уплатѣ ими пошлинъ пропускать къ Москвѣ, но безъ дачи имъ подводъ, иноземцевъ же ѣдущихъ съ малыми товарами и безъ проѣзжихъ грамотъ (слѣдовательно не казенными) пускать въ Москву не велѣно.

Если частные купцы пользовались лишь общею защитою правительства, то особымъ покровительствомъ пользовались купцы, пріѣзжавшіе съ проѣзжими грамотими отъ азіятскихъ владѣльцевъ и съ ихъ товарами. Такимъ купцамъ предоставлялась не только свобода отъ пошлинъ, но даже казенныя перевозочныя средства. Такъ въ 1633 году бухарскій ханъ Имамъ-Кула прислалъ въ Астрахань купца со своими товарами и проѣзжею грамотой, въ которой писалъ, что въ прежнія времена, при дѣдѣ и отцѣ его, хана, купчины бухарскіе хаживали, а потомъ пріѣзда и отъѣзда такого не бывало; что теперь дорога очистилась и потому онъ отправилъ купчину Хозя-

---

[1] См. Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ II, 129 № 65:

[2] Эта грамота подтверждена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1686 г. См. Полн. Собр. Зак. II, 816 № 1209.

[3] Бухарскія дѣла, св. 1, 1623: Отписка воеводъ.

Такулыя съ Караганскаго пристанища въ Астрахань, Казань и Москву купить про его хановъ обиходъ разныхъ товаровъ; въ заключеніе ханъ просилъ дать его купцу провожатыхъ и не взимать пошлинъ съ его купли и продажи.[1] По прибытіи купчины въ Астрахань, тамошніе бояре навели справку объ указахъ, касающихся пріѣздовъ бухарцевъ въ Россію, при чемъ оказалось, что *отъ бухарскихъ хановъ* купцы никогда не пріѣзжали съ *ханскими* товарами въ Астрахань, а ѣзжали обыкновенно чрезъ Самару въ Казань, Нижній, Ярославль, причемъ съ ханскихъ товаровъ пошлины не бралось. Поэтому, и въ силу указа, что если какіе азіятскіе купцы не захотятъ торговать въ Астрахани, то пропускать ихъ въ верховые города, Хозѣ-Такулыю была дана проѣзжая грамота изъ Астрахани въ Казань, Нижній и Ярославль, но предварительно товары его, состоящіе изъ шелка, бязей, пестрядей, кушаковъ, кафтаноръ, зенденей, выбоекъ и киндяковъ, были описаны и оцѣнены въ 4892 р., и съ него взята поручная запись, что въ случаѣ указа онъ обязуется въ послѣдствіи уплатить слѣдуемые за нихъ 171 р. 6 алтынъ съ деньгою пошлины. Однако государь указалъ не взыскивать пошлины, на томъ основаніи, что о томъ купчинѣ и товарахъ своихъ писалъ къ нему бухарскій царь[2] и что персидскіе шаховы купцы пользуются безпошлинностью. Хозя-Такулый доѣхалъ впрочемъ лишь до Ярославля, откуда въ качествѣ ханскаго купца получилъ казенный стругъ (судно) и проѣзжую грамоту на обратный путь до Астрахани.

Но рядомъ съ такимъ покровительствомъ азіятскимъ правительственнымъ купцамъ, мы видимъ и нѣкоторыя любопытныя ограниченія ихъ торговли. Такъ, въ 1640 году въ Тобольскъ пришелъ бухарскій посолъ съ подарками государю и просилъ отпустить ему кречетовъ и мѣховъ. По государеву указу ему было объявлено, что если ханъ хочетъ милости и любви царской, то посылалъ бы пословъ и купчинъ на Астрахань, а изъ Сибири де къ Москвѣ дорога дальняя и послы не ходятъ, и хотя послу и дано было государево жалованіе сукномъ англійскимъ и подарки его приняты, но кречетовъ и мѣховъ давать ему не велѣно.[3]

Насколько были дѣйствительны и насколько соблюдались указы государя о непричиненіи обидъ и притѣсненій иноземнымъ купцамъ,

---

[1] Проѣзжая грамота Имамъ Кулы въ Бухарскихъ дѣлахъ, 1633.

[2] Чрезъ хивинскаго посланника.

[3] Костомаровъ указываетъ на запрещеніе въ половинѣ XVII в. торговли мѣхами тобольскимъ бухарцамъ.

мы можемъ заключить изъ массы сохранившихся челобитныхъ разныхъ иноземныхъ купцовъ на воеводъ и бояръ Астрахани, Саратова, пограничныхъ мѣстъ, такъ что царямъ нерѣдко приходилось прибѣгать къ „пристрастью“. Такъ въ дѣлѣ 1620 года объ отправленіи въ Бухару посланника Хохлова имѣется челобитная царю Михаилу Ѳедоровичу бухарскаго купца, пріѣхавшаго съ Хохловымъ изъ Бухаріи, о томъ, что съ его и государя его товаровъ въ Астрахани взята вся пошлина, слѣдуемая съ него, и онъ отпущенъ вверхъ, но тѣмъ не менѣе Саратовскій воевода взялъ съ него новыя посулы деньгами и товарами, и наконецъ, въ Москвѣ опять взята пошлина. Царю пришлось прибѣгнуть къ пристрастью, и онъ послалъ указъ саратовскому воеводѣ возвратить неправильно взятое у бухарца, причемъ ему объяснено, что посулу онъ взялъ воровствомъ и измѣною, а не по государеву указу, и тѣмъ его государеву имени отъ иноземцевъ нечестье приносится; поэтому указано ему впредь у иноземцевъ посулъ и поминокъ не брать ничего, и государеву имени нечестья не чинить, а „буде впередъ кто иноземецъ на тебя въ посулахъ и въ поминкахъ побьетъ челомъ и тебѣ отъ насъ быти казнену смертью“.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о сношеніяхъ съ Персіею.

Средоточіемъ персидской торговли для Россіи была Астрахань, которая вела эту торговлю чрезъ Дербентъ (Доробанское пристанище). Въ Астрахани персидскіе купцы имѣли особый дворъ—Гилянскій и они пріѣзжали на государевыхъ бусахъ. Купцы, пріѣзжавшіе со своими товарами, платили довольно высокую пошлину (за исключеніемъ, конечно, пользовавшихся личною привилегіею на безпошлинность) [1], купцы же присылаемые отъ шаха съ его товарами, были не только освобождены отъ платежа пошлинъ, но пріѣзжали въ

---

[1] Въ бухарскихъ дѣлахъ 1633 г. мы находимъ выписку царскаго указа, что если въ Астрахань пріѣдутъ изъ шаховой (персидской) земли торговые люди, то спросивши у нихъ товарныя росписи, переписать шаховы и ихъ товары, оцѣнить ихъ и брать пошлины большія; также пускать ихъ далѣе въ Казань и другіе города по уплатѣ проѣзжихъ пошлинъ, а шаховы товары пропускать безпошлинно. Съ персіянина, везшаго изъ Казани въ Москву товаровъ на 43070 р. слѣдовало проѣзжихъ пошлинъ 430 р. 23 алтына 2 деньги (по 2 деньги съ рубля); въ Казани онъ оставилъ мягкихъ товаровъ на 2900 руб., да вѣсчихъ на 2740 руб., съ которыхъ съ продажи слѣдовало взыскать 435 руб. 3 алт. 2 деньги; такъ какъ онъ ѣхалъ къ государю, то онъ былъ освобожденъ отъ проѣзжихъ и торговыхъ пошлинъ астраханскихъ и казанскихъ.

Москву на казенныхъ подводахъ и судахъ и въ дорогѣ пользовались казеннымъ содержаніемъ. Впрочемъ не всѣ товары, присылаемые съ шаховыми купцами, освобождались отъ пошлинъ, а только именно шаховы, и уже въ 1621 г. указано [1] было требовать у нихъ представленія росписей шаховымъ товарамъ; случалось, что царь жаловался шаху на его купцовъ, что они выдаютъ свои частные товары за его, шаховы, и такимъ образомъ уклоняются отъ платежа пошлинъ [2]. Вѣроятно злоупотребленія были велики, потому что въ 1638 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ шаху, чтобъ онъ или посылалъ росписи своимъ товарамъ, или же чтобы была установлена пошлина со всѣхъ товаровъ на обѣ стороны [3]. Далѣе, ограничена была торговля мѣхами съ Персіею [4]. Главнымъ предметомъ вывоза изъ Персіи былъ шелкъ сырецъ, и на ряду съ политическими интересами, съ переговорами, касающимися взаимной поддержки въ борьбѣ противъ Турціи, [5] вопросъ о вывозѣ въ Россію шелка былъ главнымъ объектомъ сношеній между московскимъ и персидскимъ дворомъ.

Подобно, какъ и прежде, мы встрѣчаемъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ опять-таки конкурренцію иностранцевъ въ торговлѣ Россіи съ Персіею. Не говоря уже о томъ, что еще въ 1614 году, слѣдовательно при самомъ началѣ сношеній Россіи съ Голландіею, шталгалтеръ Нидерландъ Маврикій Оранскій и Нассаускій въ грамотѣ къ царю просилъ о пропускѣ амстердамскихъ купцовъ Витсена съ товарищи чрезъ Россію въ Армению и Персію для торговли; въ 1615 году въ Москву пріѣхалъ голландскій посланникъ Исаакъ Маасъ, предлагавшій желаніе Статовъ содѣйствовать примиренію Россіи съ Швеціей, и какъ бы въ вознагражденіе за это, онъ просилъ дозволить голландцамъ свободную торговлю въ Россіи, а голландской компаніи—ѣздить съ товарами чрезъ Россію въ Арменію, Персію и Бухару. Впрочемъ царь отвѣчалъ на эту просьбу встрѣчною просьбою помочь ему деньгами и пушечнымъ запасомъ противъ Польши и Швеціи, относитель-

---

[1] Персидскія дѣла 1621, № 2.

[2] См. напр. персидскія дѣла 1631, № 2. Ср. также грамоту 1641 г., № 32 съ жалобою на ложное именованіе товаровъ шаховыми.

[3] Персидскія дѣла 1638, № 1.

[4] Въ 1621 году запрещено было въ Астрахани продавать персидскимъ купцамъ хорошихъ птицъ,—ястребовъ, соколовъ и лучшихъ соболей, лисицъ, горностаевъ и бѣлокъ, „дабы не одешевить чрезъ то посылаемые отъ государя шаху подарки“. См. персидскія дѣла 1621, № 1 и 3, связ. 3 а.

[5] См. Карамзина, IX прим. 249 и 256; X гл. 1 и 3.

но же торговли съ Персіею обѣщалъ „впредь учинить разсмотрѣніе“. Этимъ дѣло пока и ограничилось [1].

Не болѣе успѣха имѣли и англичане, не отказавшіеся еще отъ мысли завести торговлю съ Персіею, Индіею и Китаемъ чрезъ Россію. Въ концѣ 1614 года въ Москву пріѣхалъ англійскій посолъ князь Иванъ Ульяновъ Мерикъ съ поздравленіемъ Михаила Ѳеодоровича со вступленіемъ на престолъ, съ предложеніемъ посредничества въ примиреніи Россіи со Швеціею и съ просьбою о дозволеніи англійскимъ купцамъ ѣздить Волгою съ товарами въ Персію и о незапрещеніи англичанамъ искать пути въ восточную Индію рѣками Обью и Леною. Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ посредничество; въ 1617 году миръ былъ заключенъ, и вслѣдъ за тѣмъ Мерикъ подалъ царю проектъ для заключенія вѣчнаго договора о мирѣ, дружбѣ и союзѣ. Договоръ былъ дѣйствительно заключенъ въ 1623 году, но торговля съ Персіею чрезъ Россію не была разрѣшена англичанамъ. Повидимому и просьба посланника Ричарда Свифта въ 1627 г. о дозволеніи англичанамъ торговли въ Россіи персидскимъ шелкомъ сырцомъ также осталась безъ послѣдствій [2].

Удачнѣе повела въ этомъ отношеніи дѣло Голштинія. Въ 1634 году прибывшіе въ Москву отъ голштинскаго герцога Фридриха посланники Филиппъ Крузіусъ и Отто Брюгеманъ предложили русскому правительству проектъ въ 7 статьяхъ о учрежденіи чрезъ Россію съ Персіею голштинской торговли. Царь согласился; разрѣшено было голштинской торговой компаніи на 10 лѣтъ торговать чрезъ Россію съ Персіею, съ условіемъ ежегодной уплаты въ казну по 600.000 ефимковъ, или по 300.000 руб., и съ обязательствомъ не вывозить изъ Россіи такихъ товаровъ, которыми торговали русскіе,—именно издѣліями шелковыми, бумажными и металлическими [3]. Въ 1636 году съ голштинскими послами отправленъ былъ въ Персію въ посланникахъ Ал. Романчуковъ, а въ 1638 году шахъ отправилъ посольство въ Голштинію [4]. Хотя въ 1635, а затѣмъ и въ 1639 году герцогъ прислалъ ратификацію на заключенную его послами съ боярами въ по-

[1] См. Голландскія дѣла указанныхъ годовъ.

[2] См. Англійск. грамоты 1626 г. № 37. Не слѣдуетъ однако думать, чтобъ Англія не была въ это время ни въ какихъ сношеніяхъ съ Персіею,—она имѣла тамъ купеческую контору и посылала къ шаху посольства. Эти посольства иногда ходили черезъ Россію. См. Англійск. грам. 1629 г. № 42, 1630 г. № 46 и 47.

[3] Голштинскія грамоты и трактаты 1634—1635.

[4] Персидскія дѣла, связ. 5 а, 1636, № 1 и 5 b, 1638, № 2.

сольскомъ приказѣ запись, хотя она была подтверждена въ 1639 г. и царемъ, но повидимому [1] условія договора найдены были на практикѣ невыгодными; по крайней мѣрѣ въ 1640 году герцогъ прислалъ Михаилу Ѳеодоровичу грамоту, въ которой просилъ уничтожить заключенный въ 1634 г. договоръ, ссылаясь на то, что будто посолъ Брюгеманъ заключилъ его не по даннымъ ему наказамъ, а воровскимъ образомъ, единственно въ свою пользу, причемъ извѣщалъ, что за это онъ былъ подвергнутъ суду и получилъ смертную казнь. Между тѣмъ въ другой грамотѣ къ царю, 1643 года, онъ уже ссылается на то, что голштинская торговля съ Персіею прекращена потому, что на нее не было получено дозволенія отъ шаха [2].

III.

Особенное вниманіе на азіятскую торговлю обращено было московскимъ правительствомъ въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Именно, въ первый же годъ по вступленіи его на престолъ, лѣтомъ 1646 года, изъ Москвы отправлено было одновременно три посольства: одно въ Персію—посолъ кн. Козловскій, другое къ бухарохивинскому хану—торговый человѣкъ Анисимъ Грибовъ, и третье—къ индійскому шаху—гонцы купецъ Никита Сыроѣжинъ и Василій Тушкановъ. Всѣ три посольства имѣли одинъ общій предлогъ—извѣстить азіятскихъ государей и владѣльцевъ о вступленіи Алексѣя Михайловича на престолъ и заявить имъ о его готовности поддерживать съ ними дружественныя и торговыя сношенія; но наиболѣе серіозное, государственное значеніе имѣли посольства въ Персію и въ Индію, и лишь второстепенное—въ Бухару, Хиву и Балхъ.

За послѣднее десятилѣтіе царствованія Михаила Ѳедоровича мы имѣемъ нѣсколько грамотъ къ царю отъ бухарскаго, хивинскаго и балхинскаго хановъ и нѣсколько отвѣтныхъ грамотъ царя. Первыя имѣютъ главнымъ предметомъ выхлопотать возможно большія льготы для своихъ купцовъ и выпрашиваніе поминковъ, въ родѣ кречетовъ и соболей [3]); вторыя—освобожденіе русскихъ невольниковъ. Сношенія

---

[1] За недостаточностію документовъ трудно сказать тутъ что-нибудь опредѣленное.

[2] См. голштинскія грамоты 1640, 1641 и 1643 гг.

[3] Напр. грамота балхинскаго хана Надыръ-Магмета 1640 года (№ 1) присланная съ посломъ Ходже-Ибраимомъ (въ 1643 г.).

съ этими странами затруднялись разбоями калмыковъ [1]). Тѣмъ не менѣе однако, въ 1642 году царь Михаилъ Ѳедоровичъ отправилъ въ Юргенчъ къ царю Сеиту и въ Бухару къ царю Надырь Магомету посланника Савина Горохова и при немъ торговаго человѣка Анисима Грибова съ грамотою, въ которой предлагалъ заведеніе правильныхъ съ обѣихъ сторонъ торговыхъ сношеній и просилъ объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ. Такъ какъ Гороховъ на пути [2] умеръ, то посольство справилъ Грибовъ [3], вернувшійся въ концѣ 1643 года. Вслѣдъ за нимъ въ 1644 г. прибыли въ Москву бухарскій посолъ Кузей (Казекъ-бей) Нагай и гонецъ Шихъ-Баба привезшіе отъ хана Надырь-Магомета грамоты (марта 7151—1643 г.) къ Михаилу Ѳедоровичу, въ которыхъ ханъ увѣдомлялъ о завоеваніи имъ балхинскаго и юргенскаго (хивинскаго) царства и многихъ земель и городовъ [4] и о содержаніи въ своемъ покровительствѣ дѣтей царя Исфендіара, извѣщалъ о доставленіи ему грамоты Грибовымъ, при чемъ изъявлялъ желаніе сохранить существовавшую при ихъ прародителяхъ дружбу, и чтобъ съ обѣихъ сторонъ по прежнему торговые люди ходили „съ торгомъ безъ урыву, здорово и безстрашно, лучше прежняго“, но просилъ, чтобъ возвращены были пошлинныя деньги 240 рублей взятыя въ Астрахани съ юргенскаго купчины Шихъ Бабы. Относительно-же требованія Государя объ освобожденіи русскихъ плѣнниковъ обѣщалъ исполнить его, но подъ условіемъ если Государь освободитъ находящихся въ Россіи нагайцевъ и другихъ людей магометанскаго закона [5].

Михаилъ Ѳедоровичъ отвѣчалъ грамотою отъ 14 мая 7153—1645 г., отправленною съ бухаро-хивинскими послами. Въ ней онъ изъявилъ согласіе на взаимную пересылку и повольную торговлю обоюдныхъ подданныхъ купцовъ, выговаривалъ Надыръ-Магомету, что возражая противъ отпуска содержащихся во владѣніяхъ его русскихъ плѣнныхъ и предъявляя непристойное требованіе объ отпускѣ изъ Россіи нагайцевъ и другихъ магометанъ, онъ поступилъ не пригоже

---

[1] См. ту же грамоту и отвѣтъ царя 25 мая 1643 (7151 г.) и дѣло о пріѣздѣ балхинскаго посла Ходжи-Ибраима въ Балхинск. дѣлахъ 1643—1644 г. № 1 и 2. Также бухарск. дѣла 1639 г. № 1.

[2] На Кабалыклейскомъ пристанищѣ.

[3] Статейн. списокъ его въ Хивинскихъ (Юргенскихъ) дѣлахъ 1642—1643 гг.

[4] Между прочимъ упомянуты Бадакшанская земля, Кашанъ, Ташкентцкая, Тюркистанская и Туранская земли, Самарханъ, Майменю, Кундузъ, и др.

[5] Бухарск. грамоты № 5 и 6.

и нелюбительно, такъ какъ нагайскіе мурзы съ улусными своими людьми искони вѣчные предковъ его, царей Россійскихъ холопи, а у Бухарскихъ они въ послушаніи николи не бывали. Поэтому Михаилъ Ѳедоровичъ убѣждаетъ царя, чтобъ онъ, отложивъ такія не дѣльныя условія для дружбы его Государевой, непремѣнно отпустилъ тѣхъ члѣнниковъ, и дастъ знать, что изъ уваженія къ просьбѣ его возвращены взятыя въ Астрахани пошлины не только съ купчины Шихъ-Бабы, но и съ прежняго юргенскаго гонца Низермалика и посла Эминь-Багатыря и что въ угодность ему посылаются четыре кречета и два пуда кости рыбья зуба [1] [2].

Такимъ образомъ купчина Анисимъ Грибовъ былъ уже знакомъ съ среднею Азіею. Поэтому Алексѣй Михайловичъ, отправляя лѣтомъ 1646 года посольство въ Персію, отправилъ вмѣстѣ съ нимъ Грибова и подъячаго Львова съ товарищи, съ поминками и грамотою къ Бухарскіе [3] и Балхинскіе и Юргенскіе земли Начальнику, Надыръ-Магомету. Въ грамотѣ этой Алексѣй Михайловичъ писалъ, что какъ между предками ихъ, государей, была всегдашняя дружба, любовь и ссылка, а между подданными обѣихъ сторонъ производилась торговля, то и нынѣ, желая подобно Надырь-Магомету, продолженія такихъ-же дружественныхъ сношеній свыше прежняго, отправляетъ онъ къ нему съ извѣстительною грамотою о кончинѣ отца своего, царя Михаила Ѳедоровича и о вступленіи своемъ на престолъ, и съ товарами Анисима Грибова. Извѣщая о томъ, что взятыя было съ ханскаго купчины Шихъ Бабы въ Астрахани пошлины 240 р. были ему возвращены, царь просилъ освободить и Грибова отъ уплаты пошлинъ и чтобъ впредь между обоими государствами происходила взаимная ссылка послами и купцами безъ урыву. Наконецъ царь просилъ хана объ оказаніи ему первой дружбы и любви отпускомъ русскихъ плѣнныхъ [4]. Въ поминкахъ отправлено были 3 кречета, 17 сороковъ со-

---

[1] Бухар. гр. № 7; ср. также въ Бухарск. дѣлахъ св. 2, 1644—1645 Пріѣздъ и отпускъ Бухарскаго посольства Казей бекъ Нагая и Шихъ-Бабы.

[2] По свидѣтельству Флетчера рыбьи зубы или клыки моржевые шли особенно въ Азію, Персію, Бухарію. Изъ нихъ дѣлали лекарственный порошокъ, будто бы уничтожающій дѣйствіе яда. Также шли на рукоятки и пр. Карамзинъ, XI, гл. 4.

[3] Юргенчъ, Бухара и Балхъ составляли въ это врем одно ханство; см. выше.

[4] Бухарск. грам. 7154—1646 г. іюня 14, № 8. Бухар. дѣла, 1646: отправленіе Грибова.

болей добрыхъ, 12 лисицъ и пудъ кости рыбья зуба; государева купецкая казна, цѣною на 1000 рублей, состояла изъ мѣховъ и рыбья зуба.

Такимъ образомъ эта вторичная отправка Грибова имѣла главною цѣлью довершеніе начатаго при Михаилѣ Ѳедоровичѣ дѣла—выкупа и освобожденія русскихъ невольниковъ,—объ этомъ онъ долженъ былъ промышлять неоплошно, съ великимъ радѣніемъ накрѣпко. О торговлѣ въ грамотѣ Алексѣя Михайловича говорится только, что желательно было бы ея развитіе, и—понятно—въ виду такого же заявленія бухарскаго хана, требуется взаимность, т.-е. безопасность и льготы русскимъ купцамъ въ Бухарѣ одинаковыя съ тѣми, какими пользовались бухарскіе купцы въ Московскомъ государствѣ. Но, повторяемъ, это былъ отвѣтъ русскаго правительства: просьба о свободѣ торговли все-таки исходила отъ азіятовъ, ибо они находили главную выгоду и интересъ въ ней. Для русскихъ же купцовъ и русскаго правительства бухарскіе товары не представляли такой приманки, ради которой стоило бы пускаться въ опасныя активныя торговыя сношенія съ этими разбойничими странами. Думаемъ, что помимо главной цѣли—освобожденія невольниковъ,—правительство Алексѣя Михайловича при отправленіи Грибова въ среднеазіятскія ханства, если и интересовалось сношеніями съ ними, то вовсе не ради ихъ самихъ и даже не ради торговыхъ сношеній съ ними, въ продолженіи коихъ оно могло быть увѣрено, а въ виду другихъ, болѣе существенныхъ и солидныхъ, такъ сказать, разсчетовъ.—Основаніемъ и оправданіемъ такого предположенія служитъ для насъ наказъ, данный Грибову.

Въ наказѣ Грибову предписано было ѣхать изъ Астрахани моремъ въ Персію и чрезъ Фарабатъ, Старабатъ, Мешеть и Мервъ до Бухаріи кратчайшею и безопаснѣйшею дорогою и пошлинъ отнюдь нигдѣ не платить. Кромѣ главнаго дѣла — выкупа и освобожденія невольниковъ, въ наказѣ отведено видное мѣсто лишь развѣдкамъ объ Индіи. Грибовъ долженъ былъ развѣдать объ отношеніяхъ среднеазіатскихъ владѣльцевъ къ Турціи, Персіи и Индіи, и объ ихъ политическомъ положеніи, и разузнать: въ индѣйское государство отъ государевой отчины отъ Астрахани куда ходить податнѣе,—на Юргенчъ или на Бухары или на Кизилбашскіе (персидскіе) города, а изъ Бухаръ и изъ Юргенча на которыя мѣста и сухимъ ли путемъ или водянымъ или горами въ Индію путь, и на который украйный городъ индѣйскаго царя пріѣзжаютъ, и сколько отъ котораго города и мѣста до котораго города и мѣста дорогою считаютъ верстъ или милей или днищъ и на одно ли мѣсто и городъ изъ Юргенчъ и изъ Бухаръ въ Индію дорога лежитъ или разныя дороги, и какіе люди отъ тѣхъ го-

родовъ по дорогѣ до индѣйскаго государства живутъ, и они послушны ли бухарскому или юргенскому государству, или-же которые князья особные живутъ, и будетъ особные, то нѣтъ ли отъ нихъ проѣзжимъ служилымъ и торговымъ людямъ шкодъ. Обо всемъ этомъ приказано Грибову узнать накрѣпко всякими мѣрами и многими вѣдущими людьми.

Сопоставляя эти вопросы съ отправкою Тушканова и Сыроѣжина къ Индійскому царю, мы получаемъ полную возможность высказать предположеніе, что оба эти посольства направлены были къ одной общей цѣли, заключавшейся въ открытіи сношеній съ Индіею.

Съ развитіемъ нашей торговли съ среднею Азіею и Персіею, московское правительство и купечество должны были постепенно ознакомиться и съ Индіею. Бухарцы и персидскіе армяне привозили въ Россію индійскіе товары. Правда, эти товары не могли разсчитывать на обширный сбытъ въ бѣдномъ московскомъ государствѣ, но мы видѣли, какъ сильно добивались у московскаго правительства разрѣшенія искать пути въ Индію, англичане и голландцы,—московское правительство могло разсчитывать извлечь изъ заведенія торговыхъ сношеній съ Индіею для казны значительную выгоду; къ тому же въ половинѣ XVII в. индійское государство было уже повидимому настолько „вѣдомо“, что московскій дворъ нашелъ возможнымъ вступить въ дружественныя сношенія съ владѣтелемъ Индіи. Поэтому въ 1646 году, при отправленіи въ Персію посла кн. Козловскаго, царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ и отправилъ съ нимъ къ индійскому шаху Джагану Сааджагѣ въ гонцахъ казанскаго купца Никиту Сыроѣжина и астраханскаго жителя Василія Тушканова. Имъ дана была „любительная грамота“, въ которой царь, именуя себя полнымъ царскимъ титуломъ, сообщалъ „брату нашему великому государю, высокопрестольному Шахъ Джаганову величеству Индійскому и всея восточныя страны повелителю“ знаменитость „изъ древнихъ отъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ на великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго Царствія“ правящаго поколѣнія прародителей своихъ „отъ рода Августа кесаря, обладающаго всею вселенною, отъ сродича его отъ великаго князя Рюрика“ и до Михаила Ѳеодоровича причемъ перечислены знаменитѣйшіе князья и цари русскіе, имена которыхъ „во всѣхъ великихъ государствахъ славились“; упомянувъ затѣмъ, что „великія ихъ государства Россійскія распространились, и многіе окрестные великіе государи христіанскіе и мусульманскіе съ ними, великими государи, ссылались, а иные у нихъ великихъ государей помощи искали, а они, великіе государи Россійскіе, многимъ великимъ государямъ способствовали и помощь подавали, царь объясняетъ

почему у нихъ съ Индійскими государями не было ссылки: „а съ предки вашими съ Индійскими великими государи цари и съ вами, великимъ государемъ за дальнимъ разстояніемъ пути у нихъ, великихъ государей, предковъ нашихъ и у отца нашего, великаго государя, ссылки и любви не бывало, и послы и посланники не посылываны. А нынѣ мы, великій государь, наше царское величество, слыша то, что братъ нашъ, великій государь, высокостольнѣйшаго мѣста и превысочайшія и прехвальныя степени великосдержатель, Персидскія и Ширванскія земли начальникъ, Аббасъ-Шахово величество съ вами, великимъ государемъ, съ Шахъ-Джагановымъ величествомъ въ пріятной дружбѣ и въ любви и ссылкѣ, по премногу радуемся, что межь вами, великими государи, таковая великая и пріятная дружба и любовь, и ссылка, и желаемъ вамъ обоимъ многолѣтняго добраго здравія и всякаго добра, и на государствахъ вашихъ счастливаго пребыванія и надъ недруги вашими побѣды и одолѣнія, и хотимъ мы, великій государь, наше царское величество, съ вами, великимъ государемъ, отъ нынѣшняго времени впредь быти въ братской пріятной, въ крѣпкой дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ также, какъ мы великій государь въ крѣпкой братской дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ съ высокостольными великими государи съ Турскими салтаны и съ Персидскими шахи и съ иными окрестными великими государи братьями нашими. И нынѣ послали мы... съ сею нашею любительною грамотою нашихъ легкихъ гончиковъ... а велѣли имъ ее вамъ, брату нашему, великому государю, подать и про наше великаго государя здоровье сказать, а ваше, брата нашего, великаго государя здоровье видѣть и о дружбѣ и о любви напомянуть: и вамъ бы, брату нашему, великому Шахъ-Джаганову величеству отъ нынѣшняго времени съ нами, великимъ государемъ, быти въ крѣпкой братской дружбѣ и любви такъ же, какъ съ нами окрестные великіе государи въ дружбѣ и любви и въ ссылкѣ безъ урыву. А что у насъ великаго государя въ нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія вамъ, брату нашему, будетъ годно, и вамъ бы брату нашему, съ нами о томъ обослаться послы или посланники и о всемъ съ ними отписати и мы, великій государь, вамъ брату нашему великому государю за то не постоимъ.“ Наконецъ царь проситъ не подивить на него, если въ грамотѣ именованіе и титла его Индійскаго величества писаны коротко, потому что ему самому про то вѣдомо подлинно, что между предками ихъ, великими государями Россійскими и Индѣйскими, николи ссылокъ не бывало, и потому какъ онъ въ своихъ грамотахъ въ имянованьѣ и въ титлѣ своей описуется, невѣдомо. Однако царь надѣется, что въ своей отвѣтной грамотѣ

шахъ Индѣйскій опишетъ ихъ, и тогда впредь онъ, царь, въ грамотахъ своихъ къ нему будетъ писать полное его именованіе и титло во всемъ по его великаго государя достоинству, какъ онъ самъ себя въ своихъ грамотахъ и титлахъ описуетъ [1].

Такъ какъ гонцы въ Индію отправлены были при посольствѣ князя Козловскаго, ѣхавшемъ въ Персію, то государь въ грамотѣ къ Шахъ-Аббасу II просилъ его оказать имъ свое покровительство и дать имъ конвой до индійской границы.

Надо еще замѣтить, что „вмѣсто подмоги“ Сыроѣжину и Тушканову разрѣшено торговать своими товарами безпошлинно на 2.500 р. и что велѣно было гостю купчинѣ Данилѣ Панкратьеву съ товарищи отпустить съ ними въ Индію царскихъ товаровъ, которые на индійскую руку пригодятся, на три или на четыре тысячи рублей.

Для уясненія цѣлей, которыми задавалось русское правительство въ XVII вѣкѣ, вступая въ сношенія съ Индіей, чрезвычайно важенъ и много любопытнаго представляетъ данный Сыроѣжину и Тушканову наказъ или инструкція о томъ, на что имъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе въ Индіи, како вести себя и что говорить. Въ этомъ порядкѣ мы и разсмотримъ наказъ. Прежде всего мы укажемъ на вопросы касающіеся индійской культуры и политическіе, за тѣмъ на вопросы собственно экономическіе и, наконецъ перейдемъ къ предписанному въ наказѣ церемоніалу и къ инструкціи касательно отвѣтовъ которые слѣдовало давать на могущіе быть предложенными вопросы.

Начинается наказъ подробными вопросами касательно индійской вѣры и богослуженія, количества городовъ въ Индіи и построекъ— деревянныя онѣ или каменныя, каковъ дворецъ шаха и каково устройство домовъ. Затѣмъ идутъ вопросы касающіеся политическаго и экономическаго положенія Индіи и политическихъ и экономическихъ отношеній ея къ другимъ государствамъ.

Такъ напримѣръ гонцамъ предписано разузнать достаточно, какіе узорочные товары и какое каменье бываетъ въ Индіи и тутъ ли тѣ товары дѣлаютъ, а каменье добываютъ, или откуда привозятъ; бархаты и атласы золотные и гладкіе, камки и тафты дѣлаютъ ли или привозятъ, а если привозятъ, то въ которые города и изъ какихъ государствъ, какимъ путемъ,—сухимъ или морскимъ,—близко ли или далеко тѣ государства. Обо всемъ этомъ имъ, посланникамъ, провѣ-

[1] Напечатана въ статьѣ Малиновскаго о сношеніяхъ съ Индіею въ Трудахъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1837, ч. VII; копія въ индійскихъ дѣлахъ 1646 іюня 21-го: Отправленіе въ Индію росс. гонцевъ Н. Сыроѣжина и В. Тушканова.

дать отлично въ стольномъ городѣ Лагурѣ и по инымъ городамъ, чрезъ которые они будутъ проѣзжать, а если имъ про то тайно провѣдать не можно будетъ, то сказать приставу который будетъ къ нимъ прикомандированъ, чтобы позволилъ имъ идти погулять въ рядахъ посмотрѣть всякихъ товаровъ которые въ Индѣйскомъ царствѣ ведутся, и при этомъ про то довѣдаться подлинно, также и про цѣны прямыя, по которымъ индѣйцы сами покупаютъ тѣ товары и въ какую цѣну продаютъ, причемъ для подлиннаго вѣдома купить всякихъ товаровъ по невелику. Наконецъ узнать и о томъ, что стоитъ провозъ отъ котораго города и до котораго съ пуда или съ вьюка. А буде которые товары къ нимъ приходятъ изъ нѣмецкихъ и изъ иныхъ государствъ, а такіе же товары бываютъ и въ Московскомъ государствѣ или прямые Московскаго государства городовъ товары, то всякими мѣрами довѣдаться прямыя цѣны такихъ товаровъ, почемъ какіе привозные товары въ Индіи покупаются и продаются, и сколько такимъ привознымъ товарамъ въ Индіи расхода, и которые нѣмецкіе и русскіе привозные товары лучше въ Индіи любятъ, сколько съ нихъ пошлинъ берется и чѣмъ—товарами или ефимками. Узнать, какіе товары прибыльнѣе у нихъ покупать, и какіе—къ нимъ посылать въ Индійское царство и на сколько цѣною какихъ товаровъ доведется къ нимъ послать и торгъ впредь будетъ проченъ ли и ожидаютъ ли въ торгу большой прибыли. Родится ли въ Индіи хлѣбъ, какой и много ли? какія пряныя зелья и овощи въ Индійской землѣ и въ которыхъ городахъ какія родятся, какова ихъ цѣна или на какіе товары ихъ обмѣниваютъ? А Нѣмцы моремъ многими ли кораблями, съ какими товарами и великимъ ли торговымъ промысломъ приходятъ въ Индію и въ которые индѣйскіе города приходятъ, въ подданствѣ ли тѣ города у шахъ-Джагана.

Изъ всѣхъ этихъ разспросовъ, изъ той тщательности и подробности, съ которою гонцамъ предписано разузнавать о торговлѣ иностранцевъ въ Индіи едва ли будетъ ошибочно сдѣлать предположеніе, что московское правительство имѣло уже нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой торговлѣ, и что оно имѣло въ виду между прочимъ конкурировать въ индійской торговлѣ съ иностранцами, даже (принимая во вниманіе попытки его проложить великій транзитный путь изъ Персіи въ Европу чрезъ Россію) быть можетъ проложить великій торговый путь въ Европу изъ Индіи чрезъ Россію. Понятно, что при первой попыткѣ на этомъ пути Московское правительство интересовалъ вопросъ о томъ, какъ отнесутся въ Индіи къ торговлѣ съ Россіей; поэтому гонцамъ предписывается провѣдать всякими мѣрами крѣп-

ко тайнымъ дѣломъ чрезъ русскихъ полоняниковъ, въ комъ чаютъ правду, или смотря по тамошнему дѣлу „прикормя и подаря чѣмъ пригоже“ приставовъ, которые при нихъ будутъ, или чрезъ иныхъ достовѣрныхъ людей о томъ, какъ шахъ индѣйскій къ великому государю любителенъ ли и дѣйствительно ли онъ радъ присылкѣ Микиты съ товарищи отъ государя и впредь съ великимъ государемъ въ братствѣ и въ дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ быть хочетъ ли и пословъ своихъ и посланниковъ къ государю вскорѣ послѣ ихъ (Никиты съ товарищи) или вмѣстѣ съ ними пошлетъ ли и съ какими товарами, а впредь купчинъ своихъ съ товарами своими присылать и торговымъ своимъ людямъ въ Московскомъ государствѣ торговать изволитъ ли. Да и въ торговыхъ и во всякихъ чиновъ людяхъ въ Индѣянахъ про то провѣдать и разговаривать—рады ли они государевой присылкѣ къ государю своему и торговать торговые люди ѣхать въ Московское государство хотятъ ли; и тѣмъ индѣянамъ всякихъ чиновъ и торговымъ людямъ великого государя нашего ко всѣмъ пріѣзжимъ иноземцамъ милость и жалованіе хвалить и выславлять, какъ они при его царской милости живутъ и торгуютъ всякими товарами повольною торговлею, и про русскіе товары индѣянамъ торговымъ сказывать и по тому же хвалить и выславлять.

Далѣе, о политическихъ отношеніяхъ индѣйскаго шаха къ другимъ государямъ, предписывается послу развѣдать: какъ нынѣ и въ какой мѣрѣ онъ съ турскимъ Ибрегимъ салтаномъ и съ персидскимъ Аббасъ-шахомъ, съ бухарскимъ, балханскимъ и юргенскимъ и съ грузинскимъ царями и съ иными великими государями съ кѣмъ въ дружбѣ и любительной послами ссылкѣ и съ кѣмъ въ недружбѣ, и сколь сильна Индѣянская земля ратными людьми и казною, и какимъ строемъ тѣ ратные люди, сколько конныхъ и сколько пѣшихъ, каковы они въ бою, какъ вооружены—огненнымъ ли боемъ—съ кѣмъ у нихъ война, и за какія причины, и кто кому силенъ, а будетъ у нихъ съ кѣмъ война, то какъ давно, и впередъ между ними чего чаятъ — мира ли или войны. И вообще, съ которыми государствами у шаха бываетъ война, и сухимъ ли путемъ или бываетъ съ кѣмъ война у него и моремъ. Съ какими государствами Индія граничится, защищена ли индѣйская граница крѣпостями, есть ли у индѣйскаго шаха флотъ, и великъ ли онъ. Есть ли подвластные шахъ-Джагану цари, одной ли съ нимъ вѣры, какую дань они ему платятъ и имѣютъ ли свои особыя войска; западная Индія подъ шаховымъ ли владѣніемъ состоитъ или она составляетъ особое государство, и онъ самъ не въ подданствѣ ли того государства западной Индіи.

Гонцамъ предписывается также разузнать, какъ изъ Россіи въ Индію проѣхать удобнѣе и безопаснѣе,—изъ Астрахани чрезъ Персію, или же чрезъ Юргенчъ или Бухарію или инымъ путемъ и при томъ, какими именно городами, сколько по ближайшей и безопаснѣйшей дорогѣ числится верстъ, миль или дней до стольнаго города Лагура и отъ одного города до другаго водянымъ или сухимъ путемъ, на лошадяхъ или на верблюдахъ, и по скольку платятъ за провозъ съ каждаго вьюка. Обо всемъ этомъ гонцамъ приказано собрать точныя и вѣрныя свѣдѣнія всякими мѣрами и многими вѣдущими людьми, при чемъ смотрѣть, чтобы кто чего ложно на смуту не сказалъ, послѣ чего обо всемъ вывѣданномъ написать въ статейномъ спискѣ (посольскомъ журналѣ) подлинно и подробно.

Любопытны наконецъ инструкціи, касающіяся церемоніальныхъ вопросовъ. По прибытіи въ первый индійскій городъ послы должны были объявить владѣтелю его, что посланы они отъ великаго государя къ шахъ-Джаганову величеству въ гонцахъ о ихъ государскихъ дѣлахъ и онъ бы объ ихъ пріѣздѣ къ государю своему отписалъ и ихъ къ нему отпустилъ, далъ имъ кормъ и подводы по посольскому обычаю; а если въ какомъ городѣ учнутъ имъ говорить того города начальники или приказные люди, чтобъ они шли къ нимъ на дворъ и царевы грамоты имъ отдали, и Микитѣ къ шахъ-Джагановымъ приказнымъ людямъ не ходить и царскихъ грамотъ не отдавать и рѣчей съ ними большихъ не плодить, а говорить: „прислалъ насъ великій государь нашъ къ брату своему, къ великому государю къ шахъ-Джаганову величеству со своею любительною грамотою о ихъ государскихъ и великихъ добрыхъ дѣлахъ, которыя годны имъ, великимъ государямъ, и они бы велѣли проводить къ великому государю ихъ, къ шахъДжаганову величеству, а къ нимъ имъ идти и государскихъ грамотъ отдать непригоже, да и ни въ которыхъ государствахъ ни у которыхъ великихъ государей того не бываетъ, что не бывъ у государя, да къ думнымъ или къ приказнымъ людямъ ходить и имъ государскія грамоты отдать.“ По прибытіи же въ городъ Лагуръ, гдѣ шахъ-Джаганъ живетъ и когда послѣдній пришлетъ къ нимъ своихъ ближнихъ людей и учнутъ они у Микиты спрашивать отъ кого они и для какихъ дѣлъ присланы, и кто на Московскомъ государствѣ государь и грамоты съ ними или словесный приказъ отъ великаго государя есть ли? и Микитѣ съ товарищи говорить, описавъ знатность россійскаго царствующаго дома отъ рода Августа кесаря обладающаго всею вселенною, объявить что нынѣ „великій государь нашъ царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси самодержецъ на отца своего пре-

столъ и царскимъ вѣнцомъ и діадемою вѣнчался и скиѳетръ правленія въ руку свою воспріялъ, и онъ великій государь по древнему царскому россійскихъ великихъ государей чину послалъ во всѣ окрестныя великія государства къ великимъ государямъ монархамъ государство свое обвѣстить своихъ пословъ и посланниковъ, а нынѣ похотя съ братомъ своимъ съ великимъ государемъ вашимъ потому же быть въ братской крѣпкой дружбѣ и въ пріятной любви и ссылкѣ, послалъ насъ къ государю вашему государство свое обвѣстить и про свое государево здоровье сказать, а его шахъ-Джаганова величества здоровье видѣть и о иныхъ, о великихъ о добрыхъ дѣлахъ, которые годны имъ обоимъ великимъ государямъ и ихъ великимъ государствамъ къ покою и къ тишинѣ и ко всякому добру.

На аудіенціи у шахъ-Джагана говорить рѣчь къ нему самому и ему же и грамоты и любительные поминки царскіе отдать * учтиво и остерегательно, а если шахъ-Джагана на аудіенціи не будетъ, то ѣхать имъ къ себѣ на подворье, а до свиданія съ шахомъ къ ханамъ и салтанамъ шаховымъ посольства не править и грамотъ имъ не давать и рѣчи не говорить. А если индѣйскій шахъ у себя на пріѣздѣ имъ быть и очей своихъ видѣть и посольства предъ собою править не велитъ, а прикажетъ, чтобъ они государеву грамоту и любительные поминки отдали и посольство правили предъ его ближними людьми, то заявить послѣднимъ, что государь отправилъ ихъ къ шаху съ грамотою для ихъ обоихъ государей нужныхъ и надобныхъ дѣлъ, которыя имъ обоимъ государямъ и государствамъ ихъ къ всякому добру и къ пожиткамъ, а наказано имъ грамоту передать и рѣчь говорить самому шахову величеству, а не имъ, шаховымъ ближнимъ людямъ. При этомъ указать на то, что отказъ шаха принять посольство лично, означалъ бы нелюбье его къ государю, и что государь всегда принимаетъ и отпускаетъ иноземныхъ пословъ лично, и лично же приметъ и отпуститъ и индѣйское посольство, если шахъ пришлетъ таковое къ нему.

Если во время шествія къ шаху на посольство приставы или встрѣчники станутъ говорить, чтобъ они, гонцы, пришедъ на шаховъ дворъ, поклонились палатѣ подъ предлогомъ, что въ этой палатѣ шахъ

---

[1] Также и грамоты отъ него къ государю не принимать иначе, какъ въ его присутствіи,—отъ него лично, или отъ его ближняго человѣка, ссылаясь на то, что въ посольскихъ обычаяхъ русскихъ государей иначе не бываетъ, что государь всегда пословъ допускаетъ предъ свои ясныя очи и отъ нихъ принимаетъ и имъ же передаетъ грамоты. Впрочемъ о церемоніалѣ, обычномъ въ Индіи при пріемахъ посланниковъ, предписано развѣдать.

сидитъ, то сказать на это, что имъ „то въ подивленіе, что не видѣвъ государскихъ очей велите намъ кланяться палатѣ, и то не статочное дѣло что камню кланяться, а когда увидимъ шахъ-Джаганова величества очи, то и будемъ кланяться по его государскому достоинству, и сами мы знаемъ, какъ великимъ государямъ честь воздавать.“ Также не слѣдуетъ соглашаться, какъ на дѣло непристойное, если захотятъ, чтобы посланники поклонились въ порогъ, или чтобъ они шахъ-Джагана цѣловали въ ногу, какъ у нихъ въ обычаѣ водится, заявивъ что посланы они къ шахъ-Джаганову величеству, а порогу де намъ кланяться не для чего, то дѣло непристойное и что посланники русскихъ государей, предковъ великаго государя, на посольствахъ у турскаго салтана и у другихъ окрестныхъ христіанскихъ и мусульманскихъ государей цѣловали у нихъ руку и точно такъ же иноземные посланники къ русскимъ государямъ, между прочимъ и шахъ-Аббасовы посланники, пожалованы бывали при пріѣздѣ и при отпускѣ государемъ къ своей царской рукѣ и клалъ онъ на нихъ свои царскія руки, а потому бы его шахово величество новаго дѣла не вчиналъ и тѣмъ великому государю нелюбья не объявлялъ, а учинилъ бы по тому, какъ и во всѣхъ государствахъ и у его царскаго величества ведется. Если же пословъ шахъ призоветъ къ рукѣ, и имъ къ шаху къ рукѣ идти и шаху бить челомъ вѣжливо и стройно. Когда же шахъ-Джаганъ позоветъ ихъ на отпускную аудіенцію, то идти къ нему урядясь по посольскому обычаю, стройно. И если шахъ велитъ принять и отпустить ихъ во всемъ честно, то, будучи на отпускѣ у него, бить ему челомъ на его государскомъ жалованіи.

Далѣе въ наказѣ слѣдуетъ подробное наставленіе гонцамъ относительно того, какіе они должны давать отвѣты на могущіе быть предложенными имъ вопросы. Изъ числа этихъ наставленій я упомяну нѣсколько болѣе любопытныхъ. Такъ, на возможный вопросъ Шахъ-Джагана о возрастѣ царя, приказано отвѣчать, что ему „восемнадцать лѣтъ, только Богъ его, великаго государя нашего, его царское величество одаровалъ и украсилъ образомъ и дородствомъ и храбростію, и разумомъ, и счастіемъ, и ко всѣмъ людямъ милостію и благонравіемъ и всѣми благими дѣлы паче всѣхъ людей.“ А если спросятъ посла объ отношеніяхъ Россіи къ пограничнымъ государямъ, то отвѣчать, что турскій Ибрагимъ салтанъ и датскій, и французскій, и англійскій короли, и голландскіе статы были въ дружбѣ и любви съ отцомъ государевымъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и царь Алексѣй Михайловичъ съ ними въ пріятной дружбѣ же; также и съ шахъ-Аббасомъ и его предками была постоянная дружба у русскихъ государей, а съ

Владиславомъ королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ учинено вѣчное докончанье, и нынѣ оба государя состоятъ въ крѣпкой дружбѣ и въ любви и въ сердечномъ пріятствѣ и въ вѣчномъ докончаніи. Съ крымскимъ ханомъ Исламъ Гиреемъ у русскихъ государей также была дружба, но ханъ свою клятву нарушивъ, сдѣлалъ набѣгъ на русскіе украинные города, однако татары были украинными царскими людьми разбиты и многіе живые мурзы и татары при этомъ пойманы, послѣ чего татары, видя великаго государя ратныхъ людей промыслъ и войскъ его крѣпкое стоятельство, изъ Московскаго государства выбѣжали назадъ въ Крымъ. Сказать тоже, что большіе Нагаи и Казыева улуса мурзы [1] искони вѣчные холопи московскихъ великихъ государей, и нынѣ они въ царскаго величества волѣ и въ послушаніи по прежнему, какъ и у отца его государева блаж. памяти царя Михаила Ѳедоровича были; что въ Сибири устроены города многіе и всякіе служилые и жилецкіе люди пожалованы государевымъ денежнымъ жалованіемъ и пашни устроены великія, и живутъ служилые и жилецкіе люди въ тишинѣ и покоѣ, и государю царю Алексѣю Михайловичу служатъ и дань съ себя даютъ также, какъ и отцу его государеву служили и дань давали, а дань съ сибирскихъ людей идетъ многая: соболи и куницы, и лисицы, и бѣлки, и иная мелкая рухлядь.

На случай, еслибы предложены были такіе вопросы, о которыхъ въ наказѣ не писано, то смотря по дѣлу, отвѣтъ на нихъ давать остерегательно, чтобы государеву имени было къ чести и къ повышенію, а московскому государству ко всякому добру; а если чего не вѣдаютъ, а хотя и вѣдаютъ, но вопросъ будетъ касаться до „великихъ дѣлъ“, то отговариваться, что имъ про тѣ дѣла слышать не случилось,—люди они государевыхъ понизовыхъ городовъ, а не Московскіе. Вообще всегда и во всемъ государево имя и честь остерегать и выславлять и искать имъ повышенія и въ такомъ смыслѣ и говорить, а словъ простыхъ, которыя государскому имени не къ чести, не говорить, и остерегать, чтобы въ чемъ государеву имени не къ чести и всякому дѣлу помѣшки не было. Самимъ же посланникамъ жить дружно и чтобы розни между ними никакой, никакого одноличнаго дѣла и пьянства не было. [2]

Въ заключеніе приказано держать государевъ наказъ и статейный списокъ у себя тайно, чтобы про нихъ кромѣ ихъ самихъ никто

---

[1] Кочующіе по р. Тереку.

[2] Индійскія дѣла 1646: дѣло объ отправленіи въ Индію гонцовъ Сыроѣжина и Тушканова, и 1651 объ отправленіи Никитиныхъ (см. ниже).

не вѣдалъ, и подтверждается приказаніе провѣдывать и записывать про всякую статью, что въ наказѣ написано, чтобы ни одно слово написанное въ наказѣ непровѣданнымъ не осталось.

Таковы были цѣли и стремленія московскаго правительства при отправленіи Н. Сыроѣжина въ Индію и А. Грибова въ Бухару. Но ни тотъ, ни другой не дошли до мѣста своего назначенія.

Грибовъ не дошелъ до Бухаріи вслѣдствіе междоусобій между свергнутымъ съ правленія Надиръ-Магометомъ и сыномъ его Абдулъ Азисомъ, въ коихъ приняли участіе и подчененные Надиромъ Юргенскій и Балхинскій ханы. Хотя персидскій шахъ и предлагалъ Анисиму пропустить его въ Балхъ, съ которымъ онъ былъ въ союзѣ, но Грибовъ предпочелъ остаться въ Персіи, гдѣ шахъ разрѣшилъ ему безпошлинную торговлю по всѣмъ городамъ и снабдилъ его подводами [1]. По сообщеніи объ этомъ Грибовымъ въ Москву, ему указано было купить въ Персіи селитры и шелку, а мелкихъ товаровъ не покупать.

Сыроѣжинъ и Тушкановъ также не доѣхали до Индіи, вслѣдствіе возникшаго въ это время новаго несогласія между шахами Индѣйскимъ и Персидскимъ за Хоросанскую область [2]. Хотя кн. Козловскій былъ принятъ Аббасомъ очень дружелюбно, и шахъ оказалъ ему даже предпочтеніе передъ индійскимъ посломъ Джанъ Исарханомъ, посадивши его возлѣ себя съ правой стороны вмѣстѣ съ приближенными вельможами, а индійскаго посла поодаль съ лѣвой стороны, но несмотря на настояніе кн. Козловскаго объ отправленіи въ Индію русскихъ гонцовъ, рѣшительно отказалъ въ своемъ содѣйствіи къ препровожденію ихъ къ Джагану. Въ письменномъ отзывѣ представленномъ по этому вопросу послу отъ Персидскаго министерства, отказъ мотивированъ учинившимися межъ Индійскими и Туркестанскими государи дракою и ссорою въ Индійскихъ украйныхъ мѣстахъ, при чемъ Адганскіе люди торговымъ людямъ учинили шкоды и иныхъ людей побиваютъ. Въ виду этого Шахъ-Аббасово величество провожатыхъ людей дать русскимъ гонцамъ не поволилъ, опасаясь, чтобъ надъ ними, гонцами какая незгода не учинилась. Впрочемъ онъ полагаетъ отправку гон ца

---

[1] См. Персидск. грамоты 1647 январь № 37 отъ шаха объяснительная о Грибовѣ, и 1650 янв. 19 № 38 отъ царя о высылкѣ селитры изъ Персіи.

[2] Джаганъ присвоивалъ ее себѣ, называя ее присудомъ города Балха, который завоеванъ имъ у Бухарскаго царя, а шахъ Аббасъ II отказалъ ему въ этомъ требованіи. По этой же причинѣ, какъ мы видѣли, не дошелъ въ Бухарію Грибовъ.

посольскую волю,—если гонецъ своею волею похочетъ ѣхать, то его не унимаетъ, провожатыхъ людей и корму не укажетъ, „и что̀ надъ ними какая незгода будетъ, и для того съ Шаховымъ Величествомъ Великому Государю вашему нелюбья бы не была". Князь Козловскій долженъ былъ признать справедливость доводовъ шахова правительства; гонцы не были отправлены и возвратились изъ Персіи вмѣстѣ съ нимъ.

Несмотря однако на неудачу, постигшую эту первую попытку заведенія прямыхъ сношеній съ Индійскимъ шахомъ, царь Алексѣй Михайловичъ не упускалъ изъ вида индійской торговли. Въ Индійскихъ дѣлахъ Главнаго Архива имѣется между прочимъ сказка 1647 г. индѣйскаго купца Сутура, данная въ посольскомъ приказѣ думнымъ дьякамъ о индѣйской торговлѣ въ Астрахани, въ которой Сутуръ показалъ, что въ 1645 году пріѣзжалъ изъ Индіи въ Астрахань, а оттуда въ Казань и къ Москвѣ, индіецъ торговый человѣкъ, при чемъ ему обидъ никакихъ не было и торговать ему дали повольною торговлею съ уплатою лишь прямой пошлины, „и тотъ де индѣецъ государскому жалованію тому гораздо подивился, что ему нигдѣ обиды никто ничего не учинилъ, и пошлины съ него имали прямыя и пропущали вездѣ безъ задержанія, а не какъ въ Кизиль-баше; и какъ онъ исторговався поѣхалъ назадъ въ Индію чрезъ Кизыль-башскую землю, и которые индѣйцы торговые люди въ тѣ поры излучились въ Кизыльбашскихъ городахъ, и онъ тѣмъ индѣйцамъ и торговымъ людямъ всѣмъ государскую милость и воеводское береженіе разсказалъ, да и въ Индію де пріѣхавъ, индѣйцамъ торговымъ людямъ про то разсказывалъ-же, что имъ на Руси въ Московск мъ государствѣ всѣмъ иноземцамъ, которые изъ иныхъ государствъ пріѣзжаютъ, бываетъ честь и береженье, пошлину государеву емлютъ на нихъ прямую, а обидъ и насильства имъ ни отъ кого не бываетъ. Индѣйцы торговые люди, слышавъ отъ него такія рѣчи, что къ нимъ, торговымъ людямъ государская милость и береженіе, обрадовалися и по тѣмъ де его рѣчамъ нынѣшняго году пріѣхали въ Астрахань индѣйцы торговые люди съ товары 25 человѣкъ, а товары съ ними неболшіе, тысячи по три и по четыре, потому что еще пріѣхали они въ первые провѣдать, какова на Руси въ государевыхъ городахъ къ нимъ, иноземцамъ, государская милость и береженіе, да хотя бы съ ними и немного было товаровъ, а пошлинъ де взяли съ нихъ индѣйцевъ въ государеву казну въ Астрахани больше 4000 рублей, и въ Астрахани де имъ отъ боярина и воеводъ и отъ служилыхъ людей обидъ никакихъ не было, и пошлины съ нихъ берутъ прямыя, только де имъ большая обида и налога отъ астрахан-

скихъ толмачей". Особенно жалуются на обиды и грабежи нѣкоего юргенчанина Девлетъ-Абыза, котораго они боятся болѣе, чѣмъ бояръ Астраханскихъ и воеводъ, и если онъ тамъ въ переводчикахъ оставленъ будетъ, то индѣйскіе торговые люди перестанутъ ѣздить въ Астрахань. Но если государь укажетъ послать въ Астрахань свою государеву грамоту къ боярину и воеводамъ и велитъ имъ сдѣлать индѣйцамъ въ Астрахани дворъ особной индѣйскій, и нынѣшнимъ индѣйцамъ торговымъ людямъ велитъ государь воеводамъ и всякимъ людямъ дать ласку и береженіе, а обидѣть ихъ никому не дадутъ, и пошлины таможенныя возмутъ съ нихъ только прямыя, и толмачамъ велитъ государь учинить заказъ крѣпкій съ пристрастьемъ, а Девлетъ-Абыза только велитъ государь изъ Астрахани вывесть вонъ, и индѣйцевъ въ Астрахань столько будетъ съ торгомъ, что де имъ въ Астрахани и ставиться будетъ съ товарами негдѣ, а многіе де изъ нихъ и въ верхніе государевы города съ торгомъ поѣдутъ, и отъ того де государевой казнѣ въ пошлинахъ будетъ многая прибыль, лишь бы де было имъ съ кѣмъ торговать, хотя бы на 100.000 рублей; а товаръ де они покупаютъ на свою индѣйскую руку: соболи не самые дорогіе, шубы бѣльи, которыя дѣланы на ихъ индѣйскую руку, а умѣютъ де тѣ шубы дѣлать въ Казани, мѣдь и иные товары; а лучше бы всего государь изволилъ послать въ Астрахань своихъ купчинъ со многими товарами, и государю была бы прибыль не малая, и пошлины бы были большія, да только бы изволилъ государь и золотыхъ съ ними купчинами своими послать сколько изволитъ, индѣйцы бъ и на деньги купили по рублю съ гривною золотомъ, а на товаръ бы на мѣну и дороже взяли. А индѣяне привозятъ свои товары: шелкъ, дороги, киндяки и миткали и бязи и иные товары и каменье дорогое". Много индѣйскихъ купцовъ и въ Персіи (въ Кизильбашѣ) во всѣхъ городахъ, но тамъ имъ нѣтъ береженія, и пошлины съ нихъ берутъ лишнія, и шаховы люди ихъ обижаютъ и грабятъ и товары сильно отнимаютъ, а ханы и всякіе приказные люди ихъ зовутъ къ себѣ обѣдать, иногда каждый день для подарковъ, чтобъ къ нимъ подарки носили большіе и отъ того чинятся имъ убытки большіе. И несмотря на это однако многіе индѣйцы, до 10.000 въ шаховыхъ городахъ живутъ безвыѣздно.

Выраженныя Сутуромъ отъ имени индійскихъ купцовъ въ Астрахани желанія были вполнѣ исполнены.

Потерпѣвши неудачу въ своей попыткѣ къ развитію торговли съ Индіею путемъ непосредственнаго взаимнаго уговора съ Индійскимъ владѣтелемъ, царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился по крайней мѣрѣ способствовать ей оказывая покровительство индѣйскимъ куп-

цамъ въ Россіи. Указомъ отъ 20 мая 1647 года Астраханскимъ воеводамъ дано строгое предписаніе ограждать пріѣзжавшихъ въ Астрахань для торговли и поселившихся тамъ индійцевъ отъ всякихъ притѣсненій, доставлять имъ возможныя выгоды, ласку и береженіе предпочтительно передъ другими иноземцами, съ цѣлью приласкать ихъ [1], и наконецъ, призвавъ ихъ, сколько есть, въ съѣзжую избу, объявить имъ это особенное благоволеніе царское и покровительство [2].

Благодаря такому покровительству царя, индійскіе купцы не ограничивались уже торговлею въ Астрахани, а стали пріѣзжать и въ Москву и другіе города. Такъ въ январѣ 1650 года пять индѣйскихъ купцовъ пріѣхали изъ Астрахани въ Ярославль съ товарами. Изъ перечня привезенныхъ ими сюда товаровъ [3],—всего 23 названія съ подраздѣленіями,—мы видимъ, что главными предметами сбыта были: киндяки (2800), кушаки (140), кумачи (435), выбойки гилянскія и индѣйскія (178), фаты бумажныя (137), шелкъ (231 ансырь=231 фунтъ) ряскій, завѣсы арабскія и гилянскія (110), юфти сафьяновъ (4291½), платки шелковые (272 дести) и др. [4]

Оживленіе торговли со стороны Индіи вызвало и въ русскихъ купцахъ стремленіе къ болѣе дѣятельному участію въ ней. Въ маѣ 1651 г. Московскіе гости и торговые люди подали Государю челобитную, чтобъ онъ ихъ пожаловалъ, позволилъ имъ для торговаго про-

---

[1] „Къ нашей государской милости пріучить ихъ, а не отогнать“, какъ сказано въ указѣ.

[2] Инд. Грам. № 2; Инд. Дѣла 1647 г. мая 20. Девлетъ-Алей-Абызъ высланъ по указу въ Казань съ женою и дѣтьми, а кто станетъ притѣснять индѣйцевъ и другихъ иноземцевъ и отъ царской милости отгонять, тѣмъ будетъ великая опала и жестокая казнь.

[3] Инд. Дѣла № 5; Малиновскій, 141.

[4] Въ донесеніи государю объ этомъ пріѣздѣ, ярославскіе воеводы пишутъ, что они велѣли поставить тѣхъ индѣйцевъ до полученія государева указа на порожнемъ аглинскомъ дворѣ и заповѣднаго товара табаку у нихъ досмотрѣть, но таможенный голова поставилъ ихъ на гостинномъ дворѣ; далѣе, что тѣ индѣйцы были вызваны въ съѣзжую избу и на разспросѣ показали, что они ѣхали изъ Астрахани на Саратовъ и Арзамасъ и далѣе на судахъ до Ярославля, что въ Москву они не поѣхали потому, что передъ ними поѣхалъ къ Москвѣ кизильбашскій купчина со многими товарами. Изъ приложенной копіи съ выписи товаровъ ихъ, сдѣланной въ Саратовѣ казанскимъ таможеннымъ ларешнымъ цѣловальникомъ видно, что въ этомъ городѣ они уплатили въ таможнѣ проѣзжую Казанскую пошлину по деньгѣ съ рубля, а остальную пошлину должны были уплатить въ Москвѣ.

мысла ѣздить въ Индію съ товарами, и чтобъ послалъ къ персидскому шаху грамоты о пропускѣ ихъ чрезъ его владѣнія. Государь согласился на это, и такъ какъ въ приказѣ Большія Казны гость Василій Шоринъ заявилъ объ отправленіи имъ торговыхъ людей Родіона Микитина и казанца Ивана Никитина въ Индію для отвѣдыванья торговаго промыслу, а ѣхать имъ чрезъ персидскую землю, то царь приказалъ написать ихъ гонцами и дать имъ грамоты къ шахъ Аббасу II и къ шахъ Джагану „противъ прежняго", подобныя тѣмъ, которыя давались торговымъ людямъ, а въ грамотахъ написать ихъ легкими гонцами.

Дѣйствительно, грамоты и наказъ данные имъ вполнѣ сходны съ грамотами и наказомъ, данными Тушканову и Сыроежину [1] Имъ приказано ѣхать чрезъ Казань и Астрахань въ Персію, гдѣ просить, чтобъ Шахъ-Аббасъ велѣлъ имъ видѣть свои государскія очи и на аудіенціи вручить ему грамоту, въ которой Государь проситъ пропустить гонцовъ въ Индію подъ прикрытіемъ. При этомъ дозволено имъ идти къ шаху къ рукѣ и къ столу, но за столомъ сидѣть учтиво и вѣжливо и не упиваться. Строго запрещено отдавать Государевы грамоты помимо шаха его ближнимъ людямъ, такъ какъ этого прежде никогда не бывало и означало бы нелюбье шаха къ Государю. Если онъ въ походѣ, то въ чужую землю не ѣздить, а ожидать, когда онъ вернется, если-же въ своей землѣ гдѣ-нибудь, хотя и далеко, то ѣхать къ нему для аудіенціи и отдачи грамоты. Тоже самое предписано гонцамъ и относительно шахъ-Джагана. Если ближніе шахъ-Джагановы люди будутъ спрашивать ихъ, какъ Государь желаетъ быть въ дружбѣ и ссылкѣ съ шахомъ,—на какой мѣрѣ?—то объявить имъ, что царь Алексѣй Михайловичъ вступивъ на престолъ и узнавъ, что Шахъ-Джаганъ въ дружбѣ съ Аббасомъ, пожелалъ и самъ быть съ шахомъ въ братской дружбѣ и пріятной любви и ссылкѣ отъ настоящаго времени „на вѣки". Съ этою де цѣлью онъ прислалъ съ ними, гонцами, свою грамоту къ Джагану. А Джаганъ-шахъ пусть прикажетъ отпустить ихъ обратно въ Россію безъ задержанія, и пусть отправитъ къ Государю отъ себя грамоту и пословъ „о добрыхъ дѣлахъ, о братственной любви и о дружбѣ, наказавъ съ ними о всемъ подлинно, какъ имъ великимъ государямъ между себя въ братственной крѣпкой дружбѣ и любви и въ ссылкѣ впередъ быть". И когда послы его прибудутъ въ Астрахань, то до Москвы имъ будутъ даны суда и кормщики и гребцы для водянаго пути, подводы сколько надобно для сухаго пу-

[1] Индѣйск. дѣла, 1651 г.

ти сколько надобно, также даны будутъ пристава, кормъ и питье; а если съ послами отправлены будутъ Шахъ-Джагановы купецкіе люди съ товарами, то и ихъ также Государь велитъ въ Астрахани принять потомужъ, и пристава, и кормъ, и суда, и кормщиковъ и гребцовъ, а сухимъ путемъ подводы велитъ имъ дать сколько нужно будетъ, и съ товаровъ ихъ ради Шахъ-Джагановой братской дружбы и любви своихъ пошлинъ брать не велитъ. А какъ они пріѣдутъ въ Москву, то великій Государь велитъ ихъ принять честно-жъ и велитъ имъ, посламъ и купчинамъ, видѣть свои государевы очи вскорѣ, и посольства ихъ будетъ слушать и грамоту приметъ и выслушаетъ любительно, и пожалуетъ пословъ его и купчинъ своимъ государскимъ жалованьемъ, и купчинамъ его велитъ въ Московскомъ государствѣ торговать довольною торговлею, а своихъ государевыхъ пошлинъ съ нихъ и съ товаровъ ихъ во всемъ своемъ Московскомъ государствѣ взимать не велитъ. И велитъ великій Государь нашъ, его царское величество, тѣмъ великаго государя вашего Шахъ-Джаганова величества посламъ быть въ отвѣтѣ (т. е. для переговоровъ) у своихъ царскаго величества ближнихъ бояръ и у думныхъ людей, и велитъ съ ними говорить, какъ имъ обоимъ великимъ государямъ межъ себя впередъ быть въ крѣпкой, братской дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ, и чтобъ на обѣ стороны ихъ великихъ государей государствъ торговые люди ходили и торговали въ нашемъ и въ вашемъ государствахъ, и прибыли себѣ и пожитковъ искали, а имъ бы, великимъ государямъ нашимъ, отъ того царской чести и повышенія и великимъ ихъ государствамъ прибавленія и разширенія прибывало.

Съ Никитиными, подобно какъ и съ Сыроѣжкинымъ, отправлены были царская казна и царскіе товары, („царская купецкая казна“), которые годны на индѣйскую руку, съ приказаніемъ купить про его царевъ обиходъ товаровъ, которые годны къ его царскаго величества казнѣ.

Мы упомянули выше о грамотахъ, данныхъ Никитинымъ къ Шахъ-Аббасу II и къ начальникамъ персидскихъ городовъ. Грамота къ шаху содержитъ въ себѣ просьбу царя, во имя взаимной ихъ дружбы оберегать отправляемыхъ въ Индію съ купецкою казною Царя торговыхъ людей, пропустить ихъ безопасно, безъ задержанія и зацѣпки чрезъ свои владѣнія, дать имъ провожатыхъ, кормъ, подводы, суда и кормщиковъ. Эта-же просьба повторена и въ грамотѣ Государя къ персидскимъ городскимъ и другимъ начальникамъ и приказнымъ людямъ, при чемъ Государь ссылается на то, что и относительно персидскихъ торговыхъ людей онъ указалъ своимъ воеводамъ и боярамъ

по тому-же всякое береженіе и ласку держать, и суда, и приставовъ и подводы и провожатыхъ имъ давать и не дѣлать притѣсненія. Любопытна еще просьба царя, чтобъ въ случаѣ, если судно, на которомъ поѣдутъ Никитины, на морѣ разобьетъ и вынесетъ какіе товары волною на берегъ, то тѣ товары сыскивая отдавать Никитинымъ и убытковъ имъ никакихъ не чинить.

Но и это второе посольство въ Индію постигла такая-же неудача, какъ и первое, частью вслѣдствіе случившейся въ это время смерти великаго могола Джагана и возникшихъ между его сыновьями [1] междуусобій, частью вслѣдствіе возникшаго въ это время между Россіею и Персіею несогласія благодаря шемахинскому хану Хосреву, [2] и безчинствамъ Стеньки Разина.

IV.

Прошло 20 лѣтъ со времени посольства Никитиныхъ, и за это время мы не находимъ никакихъ слѣдовъ прямыхъ сношеній между Москвою и Среднею Азіею. Они возобновляются лишь съ 1669 года, почти одновременно съ обѣихъ сторонъ,—со стороны Московскаго правительства и со стороны Бухарскаго хана. Изъ Москвы лѣтомъ 1669 г. отправляется въ Бухару, Балхъ и Хиву посольство Бориса Андреевича и Семена Ивановича Пазухиныхъ, а въ 1671 г., еще до возвращенія ихъ, въ Москву пріѣзжаетъ посолъ бухарскаго хана Муллофоръ (Мулла-фаррухъ). Собственно въ смыслѣ характера отношеній между Московскимъ государствомъ и средне-азіятскими ханствами эти посольства не представляютъ ничего новаго. Въ грамотахъ Абдулъ-Азисъ-хана бухарскаго къ царю Алексѣю Михайловичу присланныхъ съ Муллофоромъ и съ Пазухиными (въ отвѣтъ на грамоту царя), мы находимъ тѣ-же знакомые сюжеты, какъ и въ предъидущихъ грамотахъ азіятскихъ владѣльцевъ,—выраженіе желанія обоюдной дружбы и ссылки, просьбы о безпрепятственной взаимной торговлѣ и о разрѣшеніи посланникамъ, присылаемымъ отъ хана купить нужные и годные для него товары [3]. Точно такъ же и въ грамотахъ царя къ Бухарскому хану (отвѣтной и отправленной съ Пазухинымъ) къ Хивин-

[1] Дерашуръ-солтанъ, Сужа, Уранзей и Муратъ-бахша.

[2] Всѣ персидскіе купцы въ Астрахани были тогда задержаны въ ожиданіи удовлетворенія отъ Персіи за убытки русской торговлѣ.

[3] См. Бухарск. грам. № 11; тоже въ дѣлѣ о пріѣздѣ Муллофора и объ отпускѣ его въ Бухарск. дѣлахъ 1671—1672 гг.

скому и Балхинскому ханамъ (отправленныхъ съ Пазухинымъ)[1] выражалось желаніе быть съ ними въ дружбѣ и любви (съ Бухарскимъ ханомъ—„по примѣру предковъ"), согласіе на то, чтобы бухарцы, хивинцы и балхинцы торговали въ Московскомъ государствѣ и просьба, чтобы ханы, въ знакъ дружества своего къ царю, освободили несправедливо задерживаемыхъ въ ихъ владѣніяхъ русскихъ плѣнниковъ и препроводили бы ихъ во всякомъ довольствѣ до русскихъ границъ съ Пазухиными[2]. Такимъ образомъ, и съ той, и съ другой стороны интересы, поддерживавшіе взаимное желаніе сношеній, оставались тѣ же, какіе мы видѣли и раньше. Между прочимъ бухарскій ханъ всякій разъ въ отвѣтъ на просьбы царя объ отпускѣ русскихъ плѣнныхъ отвѣчалъ, что какъ только царь пришлетъ своего посла, онъ тотчасъ же распорядится отпустить плѣнныхъ, и каждый разъ, когда посолъ дѣйствительно пріѣзжалъ, оказывались какія-либо обстоятельства, препятствовавшія будто бы этому отпуску. Очевидно, что, видя какъ московскій царь интересуется вопросомъ о русскихъ плѣнникахъ, ханы держали этотъ предметъ про запасъ, для того чтобы выторговывать себѣ подарки и свободу покупокъ въ Московскомъ государствѣ[3].

---

[1] Бухар. грам. № 10 іюня 1669 (7177 г.) и № 12 февр. 1671 (7179) г.; Балхинск. грам. № 3 іюня 1669 г.; тоже въ Бухарск. дѣлахъ 1669 іюня 22—1672 октяб. отправленіе и обратный пріѣздъ Пазухиныхъ, тамъ-же кн. 2 и 3, стат. списокъ Пазухиныхъ.

[2] Въ наказѣ Пазухинымъ предписано, въ случаѣ, если въ числѣ плѣнныхъ будутъ дворяне и дѣти боярскіе, то называть ихъ обыкновенными людьми, чтобъ ихъ не вздорожить; если данныхъ имъ на окупъ денегъ не хватитъ, то тотъ окупъ „заимовать" и договориться, чѣмъ имъ платить—товарами или деньгами въ Астрахани, и въ томъ давать письма за своими руками, а въ Астрахани по тѣмъ письмамъ будетъ сдѣлано удовлетвореніе; окупъ давать по разсмотрѣнію и по людямъ, какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе.

[3] Впрочемъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, и именно, послѣ изданія новоуказныхъ торговыхъ статей, права азіятовъ относительно торговли въ Московскомъ государствѣ были сокращены. Именно, въ наказѣ данномъ Б. Пазухину мы находимъ слѣдующую любопытную статью: Въ 175 (1667 г.),—говорится тамъ, въ Астрахань посланы были новыя указныя статьи о торговомъ дѣлѣ, по которымъ какіе иноземцы, кизилбаши, индѣйцы, бухаряне, армяне, кумыки, черкасы, пріѣхавъ изъ-за моря станутъ торговать въ Астрахани, и съ нихъ пошлинъ имать по 10 денегъ съ рубля, а шаховы де области и съ купчинъ, которые пріѣдутъ и съ шаховыми товарами, пошлины по наказу имать велѣно-жъ противъ новыхъ же указныхъ статей; а бухарскаго и юргенскаго и балхинскаго хановъ про купчинъ и про ихъ хановъ товары въ наказѣ и въ статьяхъ о торго-

Точно такъ-же и Пазухину ханъ объяснялъ сначала, что русскіе плѣнные приняли магометанство и потому не могутъ быть выданы въ Россію (на это Пазухинъ возражалъ, что то ихъ бусурманство невольное), а потомъ выдалъ Пазухину девятерыхъ полоняниковъ „желая видѣть къ себѣ великаго государя совѣтъ и дружбу“, и обѣщалъ, что „есть-ли впредь отъ великаго государя къ нему, Абда-Азизу царю послы будутъ, и онъ, царь, велитъ русскихъ полоняниковъ отпустить многихъ и на окупъ отдать полоняниковъ укажетъ; а нынѣ де Абда-Азизъ царь больши того полоненниковъ не указалъ посылать, пока-

---

вомъ дѣлѣ о пошлинахъ, какъ имать, не написано. Поэтому, когда въ 177 году пріѣхалъ въ Астрахань юргенскаго хана купчина съ ханскими товарами и съ проѣзжею грамотою отъ хана и съ росписью ханскимъ товарамъ, то просьба его о безпошлинномъ пропускѣ „по прежнему“, уважена не была и съ него потребовали пошлины, ссылаясь на новый указъ и на то, что и съ шаховыхъ купцовъ тоже взымается пошлина. Однако купчина и ѣхавшій съ нимъ юргенскій посолъ настаивали на освобожденіи отъ пошлины, причемъ послѣдній ссылался на то, что прежде съ хановыхъ товаровъ пошлинъ не брали и нынѣ на Москвѣ въ посольскомъ приказѣ бояринъ А. Л. Ордынъ-Нащокинъ ему, послу объявлялъ, что государя въ городахъ съ юргенскихъ купчинъ, которые будутъ съ ханскими товарами, а въ хановыхъ листахъ тѣ товары будутъ написаны, пошлинъ имать не будутъ. Такъ какъ въ указѣ въ Астрахань о ханскихъ товарахъ упомянуто не было, то съ купчины взята была порука и онъ пропущенъ безпошлинно, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправленъ запросъ по этому дѣлу въ Москву. Въ отвѣтъ на него полученъ указъ, чтобы тѣхъ купчинъ, которые раньше пользовались свободою отъ платежа пошлинъ, пропустить по прежнему, потому что имъ новый уставъ былъ невѣдомъ, а впредь пошлины взымать по новоуставленнымъ статьямъ и съ шаховыхъ, и съ ханскихъ товаровъ. Бор. Пазухину приказано было поэтому сообщить хану, чтобы онъ указалъ своимъ купчинамъ платить пошлины въ Астрахани для того, что послы и купчины привозятъ свои многіе товары и называютъ тѣ свои товары шаховыми и хановыми товарами для своей корысти и прокражи пошлинъ. Не лишенъ интереса также и другой фактъ. Именно, во всѣхъ грамотахъ царей къ средне-азіятскимъ ханамъ (въ томъ числѣ и въ грамотахъ 1669 г., отправленныхъ съ Пазухинымъ) азіятамъ, согласно просьбамъ ихъ хановъ, постоянно разрѣшалась свобода торговли въ Московскомъ государствѣ вообще. Между тѣмъ въ грамотѣ къ Бухарскому хану отъ 1671 года (№ 12) это разрѣшеніе формулировано такъ: „И торговымъ вашимъ людемъ въ наше царскаго вел-ва Россійское царствіе съ товары пріѣзжать и торговать какъ на деньги, такъ и на русскіе товары мѣнять *по градскимъ торговымъ уставомъ въ порубежныхъ городѣхъ* повелили“; впрочемъ прибавлено—„какъ бывало при предкахъ нашихъ, великихъ государехъ царѣхъ и вел. князѣхъ Россійскихъ“.

мѣстъ впредь отъ великаго государя послы будутъ". Что это была одна только отговорка, это видно какъ изъ заявленія, сдѣланнаго Пазухину по вопросу о плѣнныхъ хивинскимъ ханомъ, такъ и изъ свѣдѣній, собранныхъ самимъ Пазухинымъ.

Именно, хивинскій (юргенскій) ханъ сказалъ Пазухину, что у него русскихъ невольниковъ нѣтъ, а которые русскіе полоняники и есть въ Хивѣ и въ Юргенчахъ и въ иныхъ городахъ, то тѣ куплены его людьми хивинцами въ калмыкахъ и у башкирцевъ дорогою цѣною себѣ въ работу; если царь пришлетъ за нихъ окупъ, то выкупить ихъ можно будетъ, но согласиться на предложеніе Пазухина—отправитъ ихъ въ Астрахань и что тамъ за нихъ будетъ уплачено,—онъ, ханъ, не можетъ, такъ какъ дорогою они могутъ разбѣжаться, да и невозможно ему взять ихъ у людей своихъ, такъ какъ они сами покупали ихъ дорогою цѣною себѣ въ работу и безъ нихъ работа станетъ. А по свѣдѣніямъ, собраннымъ Пазухинымъ, „на окупъ отдаютъ невольниковъ не всякіе бусурманы, а неволи имъ отъ бусурманскаго царя и болховскаго и юргенскаго хана въ томъ не бываетъ, чтобъ на окупъ люди ихъ давали по ихъ царскому и ханову приказу по неволѣ, да и впредь того не чаютъ, потому что цари бухарской и болховской и ханъ хивинской въ томъ надъ людьми своими не владѣтельны и положена у нихъ въ томъ изстари вольность—кто хочетъ, тотъ и продаетъ полонъ". Впрочемъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Пазухинымъ о Бухарѣ и Хивѣ мы можемъ заключить, что тамъ въ невольникахъ ощущалась крайняя надобность ради обработки земли. Прежде всего нужно замѣтить, что больше всего русскихъ невольниковъ было въ Хивѣ, и „всѣ полоняники говорили Борису съ товарищи, что ихъ брали по городамъ и по селамъ (русскимъ) башкирцы и калмыки, а покупаютъ у нихъ и торгуютъ ими хивинскіе люди; пріѣзжаютъ изъ Хивы нарочно съ товары и наговариваютъ, чтобы они, башкирцы и калмыки промышляли русскимъ полономъ, а которые хивинцы изъ Астрахани ѣздятъ съ русскими товары, и они по калмыцкимъ и башкирскимъ улусомъ ѣздятъ и живутъ многое время нарочно ожидаютъ и накупятъ русскаго полону, отгоняютъ къ себѣ и продаютъ въ Индѣю и въ иные дальніе города и въ Кизилбаши и въ Бухару" рублей по 40 за человѣка и дороже. Бухара и Хива „деньгами и хлѣбомъ зѣло убоги. А хлѣба въ Бухарехъ и въ Балху и въ Хивѣ сѣютъ небольшое и за годомъ у нихъ хлѣба остается мало въ коихъ домахъ, и пашенныя земли поливаютъ напускною водою и оттого земная работа бываетъ плѣннымъ людемъ, а коли будетъ ратнымъ людемъ, и у нихъ безъ воды хлѣба не будетъ, погибнутъ всѣ голо-

домъ". Очевидно такимъ образомъ, что обѣщанія хановъ о томъ, что они отпустятъ русскихъ невольниковъ, служили для нихъ лишь средствомъ поддерживать доброе къ себѣ расположеніе русскихъ царей и возможность посылать своихъ посланцевъ въ Москву за нужными для хановъ кречетами и русскими и иноземными товарами. Эта цѣль ихъ вполнѣ и достигалась, какъ это видно изъ содержанія всѣхъ русскихъ посольствъ того времени въ Среднюю Азію, ибо, какъ мы уже замѣтили выше, для удовлетворенія торговыхъ собственно интересовъ Московскаго правительства никакихъ посольствъ не требовалось,— азіяты и безъ того пріѣзжали въ Московское государство. Правда, правительство Алексѣя Михайловича обратило особенное вниманіе на два предмета азіятской торговли, — на селитру и шелкъ, и особенно послѣдній[1]). Но и въ отношеніи этихъ двухъ предметовъ, торговля съ Персіею представляла болѣе выгоды и удобствъ, чѣмъ торговля со среднеазіятскими ханствами. Такъ, хотя относительно селитры бухарскій посолъ Муллофарукъ объявилъ въ Москвѣ, что ея въ Бухарѣ много и лучше персидской, да и шелку сырцу много и продается онъ „въ дешевую пору" по 2 рубля пудъ, но эти показанія далеко не сошлись со свѣдѣніями, собранными Пазухинымъ на мѣстѣ. Надо замѣтить, что передъ своею отправкою въ Бухару, Пазухинъ представилъ въ Москвѣ въ приказъ Казанскаго дворца роспись, въ которой писалъ, что „въ Бухарской землѣ и въ иныхъ городахъ родится шелкъ сырецъ и идетъ тотъ шелкъ чрезъ Кизильбашскую (Персидскую) и Турскую земли въ Нѣмцы, а на Астрахань къ Москвѣ не идетъ, потому что о томъ шелкѣ великаго государя указа не бывало, а какъ де изъ тѣхъ земель тотъ шелкъ чрезъ Астрахань пойдетъ къ Москвѣ, и отъ того шелку великаго государя казнѣ будетъ прибыль". Поэтому по указу государя Борису Пазухину съ товарищи приказано „будучи въ Бухарахъ и въ иныхъ городахъ жителей шелковыхъ промышленниковъ наговаривать съ великимъ радѣніемъ, смотря по тамошнему дѣлу и приводить ихъ, чтобъ съ тѣмъ шелкомъ изъ Бухаръ и изъ иныхъ земель торговые люди ходили къ Москвѣ и въ Астрахань, и чтобъ

[1]) О разрѣшеніи вывозить изъ Московскаго государства селитру и шелкъ сырецъ весьма домогались англичане и особенно голландцы, (въ 1631 г. они предлагали за право транзита въ Персію на 30 лѣтъ платить ежегодно въ казну царскую вмѣсто пошлинъ по 15 т. руб.) и шелкъ, бывшій въ числѣ заповѣдныхъ товаровъ, представлялъ собою цѣнную статью торговли. Продажу селитры иноземцамъ московское правительство никогда не разрѣшало; также торговля шелкомъ лучшаго качества съ иноземцами была монополіею царской казны.

однолично въ томъ шелковомъ дѣлѣ учинить прибыль и радѣть и промышлять имъ, Борису съ товарищи, о томъ всякими мѣрами съ великимъ радѣніемъ, а почему цѣна шелку доброму и среднему и плохому, и о томъ развѣдать подлинно, и для образца привезти того шелку къ Москвѣ сколько доведется".

Однако по развѣдкамъ Пазухина на мѣстѣ отъ промышленниковъ и торговыхъ людей оказалось, что въ Бухарѣ шелку на отвозъ не дѣлаютъ, потому что много у нихъ расхода въ Бухарахъ; а въ Хивѣ родится шелка пудовъ по 1000 и болѣе, а продается шелкъ на мѣстѣ по 34 руб. за пудъ, а бываетъ малымъ чѣмъ дороже и дешевле, каковъ годъ родится; но сами хивинскіе промышленники въ Астрахань и Москву везти его не соглашаются, потому „что родится въ Хивѣ у нихъ тотъ шолкъ сырецъ у многихъ разныхъ всякихъ чиновъ людей, и имъ скупать нечѣмъ и ходить за тѣмъ неколи; пріѣзжаютъ де къ нимъ въ Хиву изъ Бухаръ и иныхъ городовъ и шолкъ покупаютъ на отвозъ." А ближніе люди хивинскаго хана говорили Пазухину, что который шелкъ сбирается съ шелковыхъ промышленниковъ въ пошлину пудовъ по 300 и болѣе самаго добраго шелку, и тотъ шелкъ, если государь укажетъ купить, и они, ближніе люди, никуда мимо людей великаго государя не продадутъ, а какъ цѣна подымется, а они лишняго не возьмутъ. Между тѣмъ изъ договора заключеннаго съ персидскими армянами о торговлѣ шелкомъ сырцомъ видно, что персидскій шелкъ продавался въ Москвѣ по цѣнѣ значительно болѣе дешевой, именно по 20—35 рублей. [1])

Но хотя торговые интересы играли по всей вѣроятности второстепенный интересъ въ сношеніяхъ Московскаго государства съ среднеазіятскими ханствами, однако сношенія съ ними, а въ частности съ Бухарою, продолжали имѣть для Московскаго правительства интересъ (и этотъ интересъ постепенно усиливался) въ виду не ослабѣвавшаго въ немъ стремленія завести непосредственныя сношенія съ Индіею. Такъ, въ бытность въ Москвѣ бухарскаго посла Муллофора въ 1671 году, его подробно разспрашивали въ посольскомъ приказѣ не только о товарахъ и естественныхъ продуктахъ бухар-

[1]) Персидскія и Армянскія дѣла 1667—1674 г. и Голландскія кн. № 9: Договоры о продажѣ шелка армянами Ромодамскимъ и Лусиковымъ съ товарищи 1667, 1673 и 1676 годовъ. Соб. Гос. Гр. и Дог. IV №№ 56, 81, 83, 105. (Ср. Соловьева XII, 267—276). Небывало дешевая, по показаніямъ московскихъ купцовъ, цѣна на шелкъ была въ Москвѣ въ 1676 году,—червчатаго цвѣта ансырь (фунтъ) по 26 алт. 4 деньги, а иныхъ цвѣтовъ по 20 алтынъ и меньше.

скихъ, но и объ Индіи. Въ своихъ отвѣтахъ Муллофоръ показалъ, что въ Бухарѣ выдѣлываютъ киндяки, зендени, китайки, а камокъ и атласовъ мало и тѣ обыкновенныя, что селитры много и она лучше персидской, есть и шелкъ и каменья лалы и руда серебряная; каменье добываютъ промышленники—копаютъ въ горахъ и разбиваютъ то каменье булатными снастьми и въ срединѣ находятъ лалы и иное каменье; руды серебряной много, но промышленниковъ мало, и для добычи серебра варятъ руду въ котлахъ; а иные товары привозятъ изъ Индіи, куда торговые люди постоянно ходятъ и оттуда пріѣзжаютъ и привозятъ каменье, жемчугъ и узорочные товары; до Индіи до порубежныхъ городовъ изъ Бухары близко—17 дней ходу, а до стольнаго города индѣйскаго, гдѣ живетъ индѣйскій шахъ, будетъ ходу мѣсяца съ четыре, и въ Индіи всякихъ узорочныхъ товаровъ и всякаго каменья много. Точно такъ же изъ наказа, даннаго Пазухинымъ, мы видимъ, что на ряду съ предметомъ оффиціальной его миссіи въ Бухару,—выкупомъ плѣнныхъ,—ему дано не менѣе важное въ глазахъ Московскаго правительства порученіе,—разузнать о наиболѣе удобныхъ путяхъ въ Индію.

Двукратная неудача посольствъ въ Индію не остановила царя Алексѣя Михайловича въ его рѣшеніи завести сношенія съ этою страною. Происки армянскихъ купцовъ для присвоенія себѣ индѣйской торговли лишь усилили въ немъ желаніе отправить русскій караванъ прямо въ Индію. Но прежде, чѣмъ рѣшиться на это, нужно было узнать удобнѣйшій путь туда. Два раза уже попытки къ заведенію прямыхъ сношеній съ Индіею потерпѣвали неудачу вслѣдствіе замѣшательствъ въ отношеніяхъ то Индіи, то Россіи къ Персіи, да къ тому-же индѣйскіе купцы жаловались на притѣсненія, чинимыя имъ въ Персіи. Нужно было отыскать путь болѣе удобный. И вотъ, при отправленіи въ 1669 г. въ Бухарію, Хиву (Юргенчъ) и Балхъ посланниковъ Бориса и Семена Пазухиныхъ имъ дано предписаніе развѣдать тамъ отъ знающихъ людей: „на которые города отъ Астрахани прямѣе и податнѣе дорога до Индіи, и какіе люди по дорогѣ живутъ; не бываетъ ли проѣзжимъ какой мѣшкоты и грабительства, и сколько отъ котораго города до котораго ходу“.

По возвращеніи въ Москву Пазухинъ подалъ подробную записку о пути отъ Астрахани до Индѣйской столицы Джанабата, въ которомъ живетъ царь Уранзепъ [1] Индѣйской. По развѣдкамъ Пазухина податнѣе и прямѣе всего дорога туда сначала моремъ на Караганское пристани-

[1] Сынъ Джагана.

ще, а потомъ Хивою на Балхъ (6 недѣль отъ Карагана) и балхинскою землею до Индѣйскихъ горъ, до послѣдняго Балхинскаго города Хелжона (1 недѣля), а отъ него до перваго Индѣйскаго города Парвана (1—4 недѣли), и затѣмъ Индѣйскою землею чрезъ города Чарыкаръ, Кавалъ, большой Чарыкаръ, Пешауръ, городъ и рѣку Атакъ, городъ Ратасу, рѣки Джилиму и Чинову, и города малый Гужратъ, Лагоръ и Салтанпуръ. Всего отъ Астрахани до Индѣйскаго города Джанабата симъ путемъ безъ простою 4 мѣсяца и 2 недѣли верблюжьимъ ходомъ. Царь Уранзепъ правнукъ царя Темиръ Аксака роду Чагатаева, вѣру держитъ прежнюю свою бусурманскую, а не индѣйскую, а подъ областью его всякихъ чиновъ люди вѣру держатъ Индѣйскую, торговые и черные люди. А есть путь изъ Астрахани и чрезъ Персидскую шахову землю въ Индію, только будетъ путь того далѣе и тяжелѣе и убыточнѣе [1].

Для провѣрки мнѣнія Пазухина по приказанію Государя вызваны были въ посольскій приказъ находившіеся въ то время въ Москвѣ индѣйцы Ченай Макарандавъ и Багарей Лелеевъ. Имъ было прочтено донесеніе Пазухина, и предложенъ вопросъ: удобна ли дѣйствительно эта дорога къ отправленію въ Индію каравана? Они отвѣчали что „та де дорога, что написана въ спискѣ Бориса Пазухина отъ Астрахани до Индѣйской земли далека, да и ѣхать ею страшно, потому что степиста и разбойниковъ бываетъ на ней много; а ѣхать де лучше и податнѣе въ Индію чрезъ Бухарскую землю“. Ѣхать слѣдуетъ изъ Астрахани на Караганское пристанище (ок. 3 недѣль), а оттуда, не ѣздя на Хиву, ѣхать вправо степью въ Юргеничи, а потомъ въ Бухары въ тотъ городъ, гдѣ ханъ Бухарскій (еще 6 недѣль), оттуда въ Балхъ (2 недѣли) и до порубежнаго Индѣйскаго города Кабылъ, и Индіею до Джанабата (7 недѣль). А иной дороги кромѣ той они не знаютъ. Преимущество же этой дороги состояло вѣроятно по ихъ мнѣнію и въ томъ, что „въ Юргеничахъ и въ Балху ханы братья родные, и послушны оба Бухарскому хану“ [2].

Вслѣдствіе собранныхъ такимъ образомъ свѣдѣній и сообщенія Пазухина, что съ Индіею и Персіею у бухарскаго и балховскаго хановъ дружба и совѣтъ, что и хивинскій ханъ тоже въ дружбѣ съ

---

[1] См. подробнѣе у Малиновскаго, и Инд. Дѣла 1671 г. Допросъ посылаемому въ Бухарію Б. Пазухину и Индѣйцамъ Макарандаву и Лелѣеву: какой ближайшій путь въ Индію и какъ зовутъ Индѣйскаго Шаха?

[2] Тамъ-же и Бухарск. кн. № 4.

Индѣйскимъ царемъ, и только съ Персіею по часту бываетъ война, рѣшено было отправить третье посольство въ Индію, но на этотъ разъ черезъ Бухару [1].

V.

На обратномъ пути въ Бухару, Муллофоръ въ Тобольскѣ умеръ [2], и въ 1675 г. въ Москву пріѣхалъ новый посланникъ отъ Бухарскаго хана—Аджифарикъ съ подарками и грамотою къ царю, въ которой ханъ просилъ, какъ и въ прежнихъ, о дружбѣ и разрѣшеніи свободной обоюдной торговли, о выдачѣ имущества умершаго посла и о желаніи имѣть нѣсколькихъ кречетовъ и другія вещи, какія для его ханской казны годны [3].

Государь рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для отправки задуманнаго имъ посольства въ Индію по плану Пазухина чрезъ Бу-

---

[1] Впрочемъ самъ Пазухинъ въ Балхѣ не былъ вслѣдствіе войны между балхинскимъ и бухарскимъ ханами, а посылалъ туда гонца (толмача Никиту Медвѣдева) который вернулся съ письмомъ къ Борису Пазухину отъ ближнихъ людей Балхинскаго царя Супхань-Кули хана, въ которой они благодарили за присылку человѣка его Никиты и извѣщали о желаніи царя ихъ быть въ дружбѣ съ Россіею и способствовать взаимной торговлѣ. (Балхинск. грам. № 4). Самъ же царь балховскій сказалъ Никитѣ, что если государь укажетъ прислать въ Балхъ и въ Индію и въ иныя государства людей своихъ и пословъ, то онъ велитъ ихъ пропустить и своею землею оберегать. А индѣйская дорога изъ Балха жилыми мѣстами и никакого дурна и грабительства и налога на ней не бываетъ. Пазухинъ послалъ сверхъ того изъ Бухары въ индѣйскіе города толмача Семена Измайла и велѣлъ ему ѣхать до индѣйскихъ городовъ до Кавылу и до Лагура и до самаго царственнаго города Джанабата и провѣдать въ Индѣехъ о всемъ обычаи ихъ и Асафа царевича гдѣ мощи его лежатъ и о всякихъ товарахъ и о проѣздѣ русскихъ людей и о всякихъ надобныхъ статьяхъ: какіе въ Индѣе узорочные товары и диковины на русскую руку и что на индѣйскую руку надобно русскихъ товаровъ, и о всемъ провѣдавъ въ индѣйскихъ городѣхъ, велѣлъ быть толмачу Измаилу къ вел. государю къ Москвѣ и явиться со всякою вѣдомостію въ приказѣ Казанскаго дворца.

[2] Дѣло о пріѣздѣ его и отпускѣ въ Бухар. дѣлахъ, св. 2, 1671 янв.—1672 іюнь; и Тамъ-же книга № 1.

[3] Онъ просилъ прислать часы боевые и часоваго мастера, и арганы и арганиста. Дѣло о пріѣздѣ и отпускѣ Аджифарика съ русскими посланниками въ Бухарскихъ дѣлахъ св. 3, № 1, 1675, и тамъ-же, кн. № 1; грамота отъ Бухарскаго хана Абдулъ-Азизъ-Богадыря къ царю отъ (7183) 1675 г. марта 1, въ Бухар. Грам. № 15.

хару [4]). Посолъ былъ милостиво принятъ, ему отпущено содержаніе большее противъ прежнихъ, а въ цвѣточную недѣлю (28 марта) „во время дѣйства Государь указалъ ему смотрѣть дѣйства, и стоять подлѣ большихъ пушекъ"; кромѣ дорогихъ подарковъ [1], по просьбѣ посланника о покупкѣ ему турскаго золотнаго кафтана пріискано въ ветошномъ ряду кафтанъ турской отласъ золото съ серебромъ по зеленой землѣ, подбитъ бѣлою красною серебряною купить, за что 45 рублевъ заплачено". Наконецъ, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ, посланникъ былъ отпущенъ съ подарками и отвѣтною грамотою отъ царя къ Бухарскому хану [2], и въ сопровожденіи двухъ русскихъ посланниковъ—Василія Александровича Даудова и Маметъ Исупъ Касимова, причемъ Даудовъ былъ спеціально назначенъ въ Бухару и Хиву (Балхъ), а Касимовъ въ Индію [3]. Съ Даудовымъ отправлена

---

[4] Роспись, на которыя мѣста изъ Астрахани ѣздятъ въ Бухары, поданная В. Пазухинымъ съ товарищи: Изъ Астрахани, буде на морѣ воровскихъ людей нѣтъ, ѣхать моремъ на Карагенскую пристань, и отсюда послать въ Трухмень къ владѣльцамъ за подводами. Изъ Трухмени чрезъ Хивинскую землю въ Бухары. На пути надобны подарки владѣльцамъ. Въ пути приходится быть 4 недѣли. Другая дорога сухимъ путемъ на Яикъ чрезъ рѣки Яикъ и Епбу, чрезъ Хиву; пути 9 недѣль. Въ обоихъ случаяхъ безъ провожатыхъ калмыцкихъ быть нельзя. Третья дорога на Терекъ, на Дербентъ, Баку, Кесхеръ, Ряшъ, Омалъ, Балфружъ, Сару Ашрафъ, Астрабадъ, Мешеть; всего до Мешети отъ Астрахани 10 недѣль, и провожатыхъ кромѣ государевыхъ людей не нужно, а отъ Мешети до Бухаръ 4 недѣли.

[1] Изъ Казанскаго приказа (вѣдавшаго сношенія съ Бухарой) велѣно сдѣлать платно золотное посланнику въ 30 рублевъ, да хановымъ дворянамъ четыремъ человѣкамъ по портищу сукна аглинскаго; да изъ Новгородскаго приказа велѣно дать ему-жъ посланнику 10 ар. атласу червчатаго добраго; да за дары его, что онъ великому Государю поднесъ (9 чашекъ цѣнинныхъ: 5 по 20 коп., а 4 чашки по меньшей мѣрѣ по 10 коп.) камку красную кармазинную въ 5 рублевъ, въ 3 алтына, въ 2 деньги.

[2] Между прочимъ отправлены и арганы и для игры на тѣхъ арганахъ посланъ человѣкъ, а также 2 кречета и на 500 руб. соболей. Бухар. грам. (7183) 1675 г. Апрѣля 20, № 16.

[3] Исупъ Касимовъ значится въ дѣлѣ объ отправленіи его Астраханцемъ. Въ Бухарскихъ грамотахъ № 9, (7175) 1667 г. Іюня 13 имѣется жалованная грамота Алексѣя Михайловича астраханскаго бухарскаго двора жителямъ Маметъ Исупу Касимову съ братомъ его за оказанное ими вспоможеніе и услугу проѣзжавшимъ чрезъ Персію вселенскимъ патріархамъ Паисію и Макарію, по которой Касимовымъ дозволено въ награду за это въ теченіи десяти лѣтъ въ Астрахани въ

была грамота отъ Алексѣя Михайловича къ Бухарскому хану Абдулъ-Азизъ-Богадырю [1], въ которой царь, упомянувъ о бывшихъ между ними пересылкахъ объявляетъ, что Муллоформъ былъ принятъ милостиво, на пріѣздѣ и на отпускѣ видѣлъ его Государевы очи, и отпущенъ былъ съ грамотою и поминками, но пріѣхавъ въ Тобольскъ въ цѣлости, умеръ, сынъ же его съ поминками и грамотою отпущенъ изъ Тобольска безъ задержанья; затѣмъ, напомнивъ и о данномъ ханомъ чрезъ Б. Пазухина обѣщаніи отпустить изъ Бухары русскихъ плѣнниковъ съ первыми будущими изъ Россіи посланниками, проситъ, чтобъ онъ исполнилъ свое обѣщаніе, а также чтобъ пропустилъ и приказалъ безопасно препроводить чрезъ свои владѣнія въ Индію посланника Касимова.

Кромѣ того имъ дана была проѣзжая грамота къ калмыцкимъ владѣльцамъ и о посольствѣ дано было знать хивинскому хану.

Съ Касимовымъ отправлена была грамота отъ царя Алексѣя Михайловича къ Индѣйскому шаху Эвреинзебу [2]. Эта грамота и наказъ данный Касимову были одинаковаго содержанія съ прежними [3].

Въ частности касательно Бухары Даудову и Касимову даны были порученія вполнѣ сходныя съ данными прежнимъ посланникамъ въ Бухару и Индію. Имъ поручено было напомнить бухарскому хану о данныхъ имъ обѣщаніяхъ касательно отпуска русскихъ невольниковъ и стараться о выкупѣ ихъ; далѣе довѣдаться—сколько въ Бухарѣ родится шолку „и что какому шолку цѣна; а на Москвѣ цѣна бѣлому шолку по 40 руб., желтому—по 20 руб. пудъ, и если буде московской цѣны гораздо дешевле, и потомъ примѣняяся, поскольку мочно на товары вывозить, о томъ бы съ торговыми людьми договоръ учинить“; узнать и о другихъ товарахъ, годныхъ на московскую руку; также стараться, чтобы ханъ присылалъ своихъ пословъ и купцовъ въ Москву; наконецъ, развѣдывать накрѣпко и старательно о удобнѣйшемъ пути въ Индію, есть ли на этомъ пути какіе-либо князьки не-

---

Москвѣ и въ другихъ россійскихъ городахъ продавать гуртомъ товаровъ на 500 рублей въ годъ безпошлинно. Ср. также Бухар. дѣла, связ. 2, 1667.

[1] Бухар. Грам. (7183) 1675 г. февраль, № 14.

[2] Имя его узнали чрезъ жившихъ въ Москвѣ индѣйцевъ. Они написали имя его ѳарсовскимъ письмомъ по индѣйски: Эвреинкъ Зебъ шахъ Алейгирѣсвичъ. Грамота февраля 1675 г. подъ № 3 въ Индѣйск. грам.

[3] Инд. дѣла, 1675—1678, № 1; Бухарск. дѣла (7179) 1671—(7184) 1676 книга № 4 и (7185) 1677—(7187) 1678 книга № 6, связ. 3 № 2, отъ 1675—1695.

зависимые или кому-либо подвластные, безопасенъ ли путь для торговыхъ людей, какіе товары изъ Индѣйскаго государства или изъ иныхъ государствъ въ бухарскую землю привозятъ и въ какову цѣну въ куплѣ и въ продажѣ бываютъ и россійскаго государства торговымъ людямъ отъ тѣхъ товаровъ чаять ли прибыли большія и пожитковъ. Да имъ же будучи въ Бухарехъ провѣдать о индѣйскомъ восточномъ шахѣ,—какъ ему имя и титла и какъ къ нему мусульманскіе государи пишутъ и съ которыми государствы государство его смѣжно. Имъ же провѣдать о р. Дарьѣ, „откуда та рѣка Дарья вышла и въ которыхъ предѣлахъ путь свой имѣетъ, и какіе по той рѣкѣ поселенія и народы и какіе промыслы и которыхъ государствъ люди по той рѣкѣ имѣютъ". Изъ мелкихъ порученій упомянемъ о приказаніи купить 100 кожъ хартейныхъ цвѣтныхъ тонкихъ, нѣсколько стопъ бумаги цвѣтной съ крапинами, двухъ верблюдовъ въ нарядахъ, какъ ихъ тамъ наряжаютъ. Совершенно необычнымъ является точное наставленіе посланникамъ о томъ, чтобы просить у хана поминковъ и подарковъ для царя и точное указаніе,—въ чемъ именно они должны состоять. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что хотя подарки присланные съ Аджифарукомъ были не важные: тулумбасъ булатный, наведенный чернью, да 9 луковъ бухарскихъ, да 9 бобровъ, за то на обѣщанія посланецъ не скупился. На разговорѣ съ бояриномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ онъ объявилъ, что государь его Абдулъ-Азисъ ханъ, желая быть съ великимъ государемъ, съ его царск. вел-вомъ въ крѣпкой дружбѣ и любви, назначилъ послать къ его цар. вел-ву посла своего съ поминки, а поминковъ съ тѣмъ посломъ слать хочетъ звѣрей живыхъ: слона, двухъ барсовъ, двухъ капланов, 2 рыси, 18 лошадей иноходцевъ, двухъ кутасовъ бѣлыхъ, двухъ тюнфаровъ рѣзвыхъ, двѣ майны говорливыя, двухъ мальчиковъ араповъ волошенныхъ и иные многіе поминки. По обыкновенію, находимъ и обѣщаніе отпуска плѣнныхъ: если государь изволитъ послать къ нему своихъ царскаго вел-ва посланниковъ, и ханъ де его съ тѣми посланники полоняниковъ всѣхъ русскаго народа, какъ обѣщалъ при отпускѣ Б. Пазухина, велитъ съ ними отпустить и того назначеннаго посла съ поминки пошлетъ; да съ тѣмъ же посломъ пришлетъ къ царск. величеству золота, которое родится въ бухарской землѣ, да и впредь къ вел. государю для дружбы и любви золота и узорочныхъ товаровъ присылать съ послы учнетъ. Повидимому всѣ эти обѣщанія приняты были въ Москвѣ за чистую монету. По крайней мѣрѣ посланнымъ съ Аджифарукомъ въ Бухару посланникамъ Даудову и Касимову приказано было хану и ближнимъ его

людямъ говорить и того домогаться, чтобы ханъ всѣхъ плѣнныхъ русскаго народа людей по обѣщанію своему велѣлъ отпустить и посла своего съ ними послалъ и съ нимъ послалъ „золота пудъ 10 или 15 или 20, да и впредь бы къ нему, вел. государю, посылалъ съ послы своими въ поминкахъ золото и зарбафы и камки и отласы золотные и иные узорочные самые добрые товары, а не такіе, какъ прежъ сего присыланы". Также стараться всякими мѣрами, чтобы ханъ прислалъ въ поминкахъ селитры немалое число, буде она лучше персидской, а также серебра и каменья и камокъ и иныхъ товаровъ драгихъ и пряныхъ зелей въ подаркахъ.

Что касается наказа Касимову, то въ немъ вполнѣ обнаруживается сильное желаніе московскаго правительства завязать дружественныя сношенія съ индѣйскимъ „шахомъ". Въ грамотѣ царь именуетъ Эвреинзепа своимъ любительнымъ братомъ и величествомъ; подать ее Касимову приказано „честно", кланяться шаху „рядовымъ поклономъ", поминки царскіе подать „учтиво и остерегательно", въ рѣчи титуловать шаха такъ, какъ онъ самъ себя именуетъ и для этого узнать предварительно его титулъ. Сдѣланы также нужныя распоряженія въ предвидѣніи будущихъ взаимныхъ сношеній. Такъ, предписано договориться Касимову съ ближними шаховыми людьми о томъ, какимъ письмомъ впредь писать Государю къ его Шахову величеству [1], а Шахъ бы присылалъ впередъ свои грамоты къ Государю на латинскомъ или на турскомъ языкѣ, чтобъ обѣимъ сторонамъ вразумительно было. Относительно посылки государевой грамоты на русскомъ языкѣ съ латинскимъ и татарскимъ переводомъ объяснить, что всѣ великіе государи къ сосѣдямъ своимъ ссылки имѣютъ и грамоты пишутъ своего государства настоящимъ языкомъ, а потомъ для подлиннаго выразумѣнія инымъ языкомъ,—тѣмъ, который могли бы въ томъ государствѣ, куда онѣ посланы будутъ, познать. Также уговориться относительно того, какъ Государю и шаху впредь въ грамотахъ титуловать другъ друга, и съ этою цѣлью дать ближнимъ людямъ на письмѣ полный царскій титулъ, и взять у нихъ полный титулъ шаха, но при этомъ стеречь накрѣпко, чтобъ онъ, шахъ, въ титулѣ своемъ и въ именованіи не именовался иныхъ окрестныхъ великихъ государей владѣніемъ и государствованіемъ, чтобъ впредь тою его титлою на царское величество отъ постороннихъ государей нелюбья не на-

[1] Грамота, посланная съ Касимовымъ, была въ трехъ экземплярахъ: русскомъ, татарскомъ и латинскомъ.

весть. Также не принимать и такого титула, гдѣ бы шахъ называлъ себя владѣтелямъ всего свѣта. Что же касается Государева титула, то слѣдуетъ настоять на томъ, чтобъ въ шаховой грамотѣ онъ былъ написанъ во всемъ противъ того, какъ царь въ своихъ грамотахъ самъ себя описуетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ окрестные христіанскіе и мусульманскіе великіе государи пишутъ противъ того съ прибавкою [1].

Впрочемъ Касимову приказано провѣдывать всякими мѣрами накрѣпко тайнымъ дѣломъ, припоя и прикормя къ себѣ пристава или иныхъ тамошнихъ людей, чтобъ имъ гораздо былъ кто вѣренъ и въ комъ почаять правды и подаря чѣмъ пригоже,—каковъ къ великому государю Эвреинъ Зепъ шахъ, любителенъ ли и радъ ли присылкѣ посольства и самъ отправитъ ли отвѣтное посольство и вообще и впредь желаетъ ли дружбы и ссылки съ царемъ.

Также предписано Касимову домогаться всякими мѣрами накрѣпко, чтобъ государь индѣйскій указалъ послать съ нимъ къ его Царскому величеству съ объявленіемъ дружбы своей и любви и съ любительными поминками своего посла, а съ тѣмъ посломъ отправилъ въ поминкахъ Государю каменья, серебро, бархатовъ, камокъ и пряныхъ тамошнихъ зелій, и обѣщать, что тотъ его посолъ въ Астрахани будетъ принятъ и до царствующаго города Москвы будетъ провоженъ съ кормами и съ подводами и со всякимъ удовольствованіемъ. Также договориться съ ближними шаховыми людьми всякими мѣрами накрѣпко о серебрѣ, довѣдався въ Индіи отъ всякихъ чиновъ людей самыя прямыя цѣны, чтобъ государь ихъ приказалъ серебра пудъ по 1000 и по 2000 и по 3000 и больше высылать съ своими послами или купчинами въ Москву, а наипаче каменья самаго дорогаго, а на Москвѣ за то серебро царскаго величества изъ казны по счету давано

---

[1] При дѣлѣ объ отравленіи Касимова имѣется данный ему „списокъ какъ пишутъ къ великому Государю, къ его царскому величеству окрестные великіе Государи въ грамотахъ своихъ его царскаго величества именованья и титлы“: Цесарь римскій, короли французскій, аглинскій, датскій, свѣйскій, курфистры брандебурскій и саксонскій, веницейскіе князи и галанскіе статы. Прибавка состояла въ словахъ: Всесвѣтлѣйшему, велеможнѣйшему, превысочайшему, превосходнѣйшему, державнѣйшему пріятелю, другу и брату любительнѣйшему (и сосѣду, а особно другу и пріятелю,—какъ въ датской формулѣ) (нашему особно возлюбленному государю и пріятелю—какъ въ саксонской формулѣ) здравія и пріятства нашего со всякимъ благоприращеніемъ. Касимову даны были даже подлинныя граматы отъ турецкаго султана и персидскаго шаха для свидѣтельства о титулатурѣ.

будетъ товарами, какіе на ихъ руку будутъ годны, и конечно о томъ договорясь подлинно уставя серебру тамошнюю цѣну поставить и взять у нихъ на письмѣ, какими товарами имъ за то царскаго величества изъ казны получить; и буде напишутъ, чтобъ имъ взамѣнъ того серебра давать сукнами, соболями, горностаями и иною мягкою рухлядью, лосинами или иными товарами, которыхъ въ Россійскомъ государствѣ множество, и имъ съ ближними шаховыми людьми о томъ договорясь, покрѣпиться письмами, чтобъ имъ того серебра указное число пудовъ и каменья вывозить по вся годы безъ всякой перемѣны безъ урыву, а царскаго величества товарамъ, которыхъ они на обмѣнъ того серебра будутъ просить, цѣна установлена будетъ на Москвѣ въ то время, какъ шаховы послы будутъ у царскаго величества на Москвѣ, а самимъ имъ на товары цѣны не установить. Также провѣдать подлинно въ Индѣйскомъ государствѣ, шелкъ бѣлый и желтый родится ли и много ли его и довѣдавшись прямой цѣны договориться, чтобъ того шелку индѣйцы въ Россію въ обмѣнъ на русскіе товары, которые имъ будутъ годны, на всякій годъ немалымъ числомъ привозили, и уставить тому шелку цѣну, а на Москвѣ ему настоящая цѣна бѣлаго по 40 рублей, а желтаго по 20 рублей пудъ.

Если отыщутся лѣкарства и коренья, которыхъ въ Московскомъ государствѣ нѣтъ, а они отъ всѣхъ болѣзней, то купить на опытъ сколько можно тѣхъ лѣкарствъ и корени. А если отыщутся въ Индію самые художные мастеры каменныхъ мостовъ и иныхъ дѣлъ, то тѣхъ мастеровъ приговаривать въ службу великаго Государя на время, и если объ нихъ шахъ позволитъ, то вывезти ихъ съ собою въ Москву. Если есть въ Индіи сѣмена огородныя или звѣри небольшіе и птицы, отъ которыхъ въ Московскомъ государствѣ можно ожидать плоду, то и ихъ купить и вывезти сколько можно.

Любопытно приказаніе Касимову, чтобъ въ случаѣ, если онъ чего купитъ и съ него будутъ требовать уплаты пошлинъ за ту куплю, то ему пошлину заплатить, развѣдавъ только, чтобъ не было взыскано лишняго. Мотивировано это распоряженіе тѣмъ, чтобъ этимъ впредь Индѣйцевъ, которые будутъ въ Россійское государство ѣздить, къ пошлинѣ принудить было случно. Впрочемъ, хотя Касимову предписано уговаривать ближнихъ шаховыхъ людей, чтобъ ихъ государь послалъ въ Россію своихъ подданныхъ индѣйцевъ для торговаго промысла, но при этомъ онъ долженъ былъ обѣщать лишь, что ихъ примутъ съ удовольствіемъ и пустятъ изъ Астрахани въ Москву безъ задержанія, о кормѣ же и подводахъ ничего не говорить. Также не упомянуто о безпошлинномъ торгѣ, а говорится, что когда шаховы подданные въ

Россію станутъ ходить безъ урыву, и въ то время Царь, обославшись съ шахомъ, велитъ на своихъ и на его подданныхъ наложить пошлину пристойную, какъ въ Россійскомъ государствѣ всѣхъ государствъ пріѣзжіе иноземцы платятъ. Впрочемъ, какъ и при прежнихъ посольствахъ, приказано склонять индѣйскихъ торговыхъ людей къ пріѣздамъ въ Россію, выхвалять имъ царскую милость къ иноземнымъ купцамъ и русскіе товары, разсказывать, что у Государя въ государствѣ всякихъ дорогихъ товаровъ, которыхъ въ окрестныхъ государствахъ нѣтъ, добрѣ много, и въ Московское государство купецкіе люди пріѣзжаютъ изъ Китая, изъ Персіи и изъ иныхъ дальнихъ и окрестныхъ великихъ государствъ.

Какъ и въ прежнихъ наказахъ прежнимъ посланникамъ, Касимову приказано на вопросъ объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ государствамъ отвѣчать, что съ великими государями, съ наияснѣйшимъ великимъ государемъ съ Яномъ III Божіею милостью королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, да съ велеможнѣйшимъ государемъ съ Карлусомъ королемъ Свейскимъ съ его королевскимъ величествомъ, и со всѣми прочими великими государями христіанскими и съ шахомъ Персидскимъ у Государя Царя дружба и любовь и непрестанная ссылка. И нынѣ Турскій Магметъ-салтанъ и Крымскій ханъ оставя, съ великимъ Государемъ давнюю братскую любовь и дружбу, возсталъ войною на брата его Царскаго величества, на польскаго Яна короля, и великій Государь, его царское величество, по древней дружбѣ и любви, сослався со всѣми великими государями христіанскими, также и съ шахомъ Персидскимъ, отпоръ тѣмъ обоимъ непріятелямъ чинитъ.

Наконецъ, предписано всякими мѣрами провѣдывать, чтобъ изыскать изъ Индѣйскаго государства водяной путь къ городамъ царскаго величества, чтобъ къ Россійскому государству тотъ водяной путь былъ податенъ и безопасенъ рѣками Обью, Яны-Шерью и Селенгою или Иртышемъ [1].

При отправленіи Касимова возникъ вопросъ о томъ, какіе подарки изъ русскихъ произведеній приличнѣе поднести шаху. По этому вопросу отобрано было свѣдѣніе отъ находившихся въ Москвѣ индѣйскихъ купцовъ, которые донесли: „Въ государствѣ Индѣйскомъ изъ русскихъ товаровъ потребнѣе соболи цѣны высокой, по 10—30 р. пара, да сукна красныя и зеленыя добрыя, юфти красныя, кость рыбья

[1] Бухарск. д. кн. 4, отправленіе Даудова и Касимова.

добрая, зеркала большой, средней и малой руки, да корольки большіе и малые красные добрые, да бархаты золотые и серебряные турецкіе, и если посылать шаху поминки, то изъ этихъ товаровъ, а иныхъ русскихъ товаровъ въ Индіи употребляютъ мало. Но всего лучше и пріятнѣе будетъ Индѣйскому государю, если изволитъ Царь всея Россіи послать кречетовъ и соколовъ добрыхъ. Да Индѣйскій же государь любитъ тѣшиться собаками борзыми и меделянскими, и дворныхъ собакъ злобныхъ и сильныхъ при себѣ держитъ и любитъ; а покупаютъ для него собакъ за великую диковину въ Персіи, куда привозятъ дорогою цѣною изъ Московскаго государства. И если послать такихъ добрыхъ собакъ, то Эвреинзепу будетъ за великое пріятство; а травятъ меделянскими собаками львовъ“ [1].

За дальностью вѣроятно пути, ни кречетовъ, ни собакъ съ Касимовымъ не отправлено, а посланы соболи разныхъ цѣнъ на 500 рублей, 6 юфтей красныхъ большихъ лучшихъ по 2 р., 30 зеркалъ подъ слюдою пятой руки по 90 коп., 47 четвертой руки по 71 коп. и 36 большихъ съ затворами по 90 коп. за каждое, 20 нитей корольковъ красныхъ, вѣсомъ 5 ф. 17 зол. цѣною 86 р. 20 коп., а всего на 800 р.

Балхинскій и Бухарскій ханы, снабдивъ Касимова проѣзжими и рекомендательными къ Кабульскому хану грамотами, препроводили его безопасно чрезъ свои владѣнія до индѣйской границы [2], и въ 1676 г. Касимовъ пріѣхалъ въ индѣйскій городъ Кабулъ. Тамошній градодержецъ Мекреметъ-ханъ отписалъ въ Янабатъ къ воеводѣ Ацемъ-хану о прибытіи посланника изъ Россіи. Въ отвѣтъ на это Индѣйскій шахъ прислалъ Кабульскому хану грамоту слѣдующаго содержанія: „Писалъ ты Кобильской ханъ ко мнѣ, великому государю Индѣйскому, что пріѣхалъ къ вамъ изъ Россійскаго государства посолъ; а ѣдетъ онъ ко мнѣ, и о томъ—его мнѣ въ свое Индѣйское государство велѣть ли отпустить. И то мнѣ про то вѣдомость учинилася, и отъ меня тебѣ указъ Кобильскому хану: то искони вѣкъ отъ Россійскаго государства послы къ намъ въ Индѣйское государство не прихаживали, и нынѣ бы потому жъ того посла отъ себя назадъ поворотить и съ Государевою грамотою и съ подарки, и чтобъ они отъ васъ пошли назадъ до Россійскаго государства въ цѣлости, и никакія бы надъ нимъ посломъ порухи не было, и велѣть бы ему послу изъ казны

[1] Инд. дѣла, 1675—1678 № 1.

[2] Бытность Даудова въ Хивѣ и грамоты Хивинскаго хана къ Государю о препровожденіи его въ Бухару см. въ Хивинск. дѣлахъ, св. 3.

жалованье денегъ 2000 рупіевъ выдать, и выдавъ велѣть его отпустить". Вмѣсто подписи напечатано чернилами: Азырханъ, рабъ Авринъ шахово величество [1].

Вслѣдствіе такого приказа Мекреметъ ханъ объявилъ Касимову, что „у государя его, Индѣйскаго шаха, издавна до прародителя его до Темиръ-Аксака и до нынѣшняго времени отъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ Россійскаго государства пословъ и посланниковъ въ Индію не бывало, потому что Россійское государство съ Индѣйскимъ въ дальнемъ разстояніи, и ссоръ никакихъ прежде не было и нынѣ нѣтъ: а знатно де Россійскій царь къ Индѣйскому шаху присылаетъ посланниковъ для богатства, а не для какихъ дѣлъ иныхъ; да и вѣра де Русская иная, и имъ де басурманомъ съ христіанами въ дружбѣ быть неприлично".

Любопытно, что Мекреметъ-ханъ въ разговорахъ между прочимъ сказалъ Касимову, что въ 1658 году приходилъ въ Индію Русскій посланникъ Семенъ, который по его ханской просьбѣ принятъ былъ шахомъ въ службу, получилъ начальствованіе отрядомъ въ 500 воиновъ и большое жалованіе. Разсказавъ объ этомъ, ханъ предложилъ и Касимову вступить въ Индѣйскую службу, а за привезенные подарки получить по оцѣнкѣ отъ Шаха деньги. Казимовъ отвергъ это прдложеніе и объяснилъ хану, что тотъ Сенька былъ жидовинъ, купленный холопъ торговаго шемахинца Садыка; назвался онъ посланникомъ самовольно, забывъ страхъ Божій и государеву милость, измѣнилъ великому Государю, пріѣзжалъ онъ изъ Астрахани для торговаго дѣла съ торговыми людьми въ Бухары, а изъ Бухаръ въ Индію, а назвался посланникомъ воровски; можетъ быть шахъ и его Исупа считастъ обманьщикомъ, а онъ де подлинно присланъ отъ Великаго Государя, а не облыжно. Такая твердость навлекла на Касимова притѣсненіе: Кабульскій градодержецъ заказалъ, чтобъ никто у него ничего не покупалъ; отобравъ Государевы подарки и собственные его товары, запечаталъ и долго держалъ ихъ въ каменныхъ палатахъ, гдѣ отъ сырости мѣха попортились. Когда же ихъ распечатали, то таможенный голова, оцѣнивъ все весьма дешево, взялъ товаръ къ себѣ, и по той цѣнѣ прислалъ деньги съ вычетомъ пошлины. При этомъ онъ бранилъ Касимова, выговоривая: „привезъ де ты къ Шаху подарковъ немного и то самое обычное; у насъ де и холопи такихъ худыхъ соболей не

---

[1] Инд. грам. № 4; вполнѣ у Малиновскаго. Тогдашній Великій Моголъ былъ занятъ войною съ авганцами и ему очевидно было не до сношеній съ иностранцами.

носятъ, потому что во вся годы торговые люди привозятъ къ намъ соболи и юфти добрые, также и сукна и зеркала Нѣмецкія привозятъ къ намъ изъ Нѣмеціи добрыя жъ и покупаютъ дешевою цѣною. Да и пріѣхалъ де ты изъ такого далекаго государства малолюдствомъ".

Въ январѣ 1678 года Касимовъ возвратился въ Москву и привезъ съ собою сорокъ человѣкъ русскихъ плѣнниковъ, выкупленныхъ имъ въ Индіи изъ неволи [1].

Одновременно съ нимъ вернулся въ Москву и Даудовъ изъ Бухаріи и Балха. Привезенная имъ грамота отъ Бухарскаго хана была самая коротенькая; въ ней ханъ благодарилъ Царя за присылку посольства и обѣщалъ въ скоромъ времени прислать своего посла для подробнѣйшаго объясненія о всѣхъ дѣлахъ [2]. Съ Даудовымъ пріѣхалъ также посолъ (Алей Муратъ Чагарасы) отъ Балхинскаго хана Симанъ-Куль-Багадыря къ царю, съ грамотою, въ которой онъ благодарилъ царя за присланную къ нему грамоту, увѣдомлялъ объ оказанномъ уваженіи и благопріятствѣ къ привезшимъ ее, изъявлялъ желаніе къ соблюденію дружества и взаимныхъ пересылокъ, и въ заключеніе просилъ о доставленіи ему кречетовъ изъ государевой потѣхи [3].

Даудовъ и Касимовъ не застали царя Алексѣя Михайловича въ живыхъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ отправилъ съ Алей Муратомъ къ Балхинскому хану отвѣтную грамоту [4], въ которой благодарилъ его за оказанное благопріятство и вспоможеніе Касимову при проѣздѣ его въ Индію, объявлялъ ему о кончинѣ отца своего царя Алексѣя Михайловича и о вступленіи своемъ на Всероссійскій престолъ, изъявлялъ желаніе сохранить взаимную дружбу и оставаться въ перепискѣ, сообщалъ о посылкѣ къ нему двухъ кречетовъ, и о изслѣдованіи грабежа, якобы учиненнаго на Яикѣ послу Чагарасу, по которому оказалось, что воровскіе люди у посла никакихъ животовъ не грабили, а ограбили нѣкоторыхъ купцовъ, и въ заключеніе просилъ ради дружбы же освободить задержанныхъ въ Балхинской землѣ русскихъ плѣнныхъ, зашедшихъ туда спасаясь изъ Турецкой неволи и изъ другихъ мѣстъ.

Такъ кончилось это посольство въ Индію, на которое царь Алексѣй Михайловичъ возлагалъ столько надеждъ. Правда, индѣйцы не

---

[1] Инд. Дѣла, 1676—1678, № 1, дѣло объ отправленіи Даудова и Касимова.

[2] Бухар. грам., (7185) 1677 г. № 17.

[3] Балхинск. грам. (7186) 1678 г. Января 16, № 5; дѣло о пріѣздѣ Алей Мурата въ Балх. дѣлахъ 1677 сент.—1678 май и въ Бухарскихъ (7185) 1677—(1687) 1678 кн. № 6.

[4] Балх. грам. (7186) 1678 апр. № 6; ср. также Балх. дѣла 1678 апрѣль.

переставали пріѣзжать въ Астрахань и въ Москву съ товарами, но со смертію Алексѣя Михайловича они утратили своего покровителя. Начались притѣсненія имъ [1], и наконецъ въ 1688 г. Московскіе гости и гостинной сотни торговые люди подали государямъ Іоанну и Петру жалобу на Индѣйскихъ въ Москвѣ купцовъ, по которой они были всѣ высланы изъ столицы, и имъ позволено торговать только въ Астрахани [2].

Послѣ посольства Даудова сношенія съ Бухарою прервались и возобновились лишь въ 1705 году. Новое отправленіе въ Индію,— купчинъ гостинной сотни Сем. Маленькаго, Сер. Аникѣева и астраханскаго посадскаго человѣка Ив. Сѣврина,—состоялось лишь въ 1695 году черезъ Персію и Балхъ. Отправка эта была болѣе удачна, чѣмъ предыдущія. Маленькій былъ въ Индіи, продалъ тамъ часть отправленной съ нимъ государевой казны и купилъ въ замѣнъ этого мѣстныхъ товаровъ, но на обратномъ пути на морѣ въ Персидскомъ заливѣ его пограбили мешетскіе арапы-корсары, а затѣмъ въ Шемахѣ Маленькій и Аникѣевъ умерли и въ Москву доставлена была лишь отвѣтная грамота намѣстника индѣйскаго шаха, „многихъ рѣчей которой перевести въ Посольскомъ приказѣ не сумѣли“.

Все вышеизложенное даетъ намъ возможность сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

1) Московскіе государи дѣлали строгое различіе между азіятскими владѣльцами. Русскіе цари признавали равенство съ собою лишь за персидскимъ шахомъ и великимъ моголомъ. Ихъ однихъ они титуловали въ своихъ грамотахъ *братомъ*, *величествомъ*, *великимъ государемъ*, *всея восточныя страны повелителемъ*. Среднеазіятскіе ханы признавались просто *владѣтелями*, *царями*, *здержателями*.

2) Сношенія съ среднеазіятскими ханствами имѣли исключительно торговый характеръ. При этомъ активная торговля велась главнымъ образомъ азіятами, пріѣзжавшими въ Московское государство. Эта торговля поощрялась Московскимъ правительствомъ въ видахъ какъ казеннаго, такъ и частнаго интереса. Ради этихъ интересовъ замѣ-

---

[1] Инд. дѣла 1684 г. Въ этомъ году индѣецъ Луда Тарѣевъ подалъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ въ Москвѣ челобитную на Астраханскихъ воеводъ въ наносимыхъ одноземцамъ его обидахъ. Просьба была отослана для разсмотрѣнія и удовлетворенія въ Сибирскій приказъ.

[2] Инд. Дѣла, 1685 отправленіе Маленькаго.

чается (при царѣ Иванѣ Васильевичѣ) желаніе проложить великій торговый путь изъ Средней Азіи въ Европу черезъ Московское государство,—желаніе, вызванное домогательствами иностранцевъ о свободномъ транзитѣ. Вслѣдствіе жалобъ московскаго купечества на иноземныхъ купцовъ. Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ не соглашались уже на разрѣшеніе транзита англичанамъ, голландцамъ и французамъ; если онъ дозволенъ былъ голштинской компаніи, то вѣроятно лишь вслѣдствіе обязательства ея не наносить ущерба русскимъ купцамъ, а напротивъ помогать имъ „христіанскимъ обычаемъ“, а также потому, что отъ Голштиніи, какъ страны менѣе торговой, не ожидали вреда русскимъ купцамъ. Что-же касается разрѣшенія транзита, даннаго армянской компаніи, то это разрѣшеніе объясняется выгодами, ожидавшимися отъ принятаго компаніею обязательства вывозить весь персидскій шелкъ исключительно чрезъ Московское государство.

Взгляды азіятовъ на торговыя сношенія съ Московскимъ государствомъ (и со всякимъ другимъ) вполнѣ выясняются изъ поведенія бухарскихъ хановъ, которые постоянными обѣщаніями отпуска русскихъ невольниковъ старались лишь поддержать расположеніе къ себѣ русскихъ государей и выпрашивать лично себѣ и своимъ купцамъ различные подарки и льготы, и изъ отвѣта даннаго Исупу Касимову намѣстникомъ великаго Могола, что знатно московское государство ищетъ сношеній съ Индіею лишь для богатства. Такое отношеніе азіятовъ къ торговому интересу, трудность и опасность пути и, наконецъ, злоупотребленія властей въ азіятскихъ ханствахъ даже относительно купцовъ, сопровождавшихъ посольства и стоявшихъ такимъ образомъ подъ особымъ покровительствомъ московскаго правительства,—все это достаточно объясняетъ причины, затруднявшія правильность сношеній съ Среднею Азіею. При такихъ взглядахъ и порядкахъ, конечно, представленія русскихъ царей о *взаимной* свободѣ торговли и вообще о взаимности не могли имѣть серіознаго практическаго значенія. И московское правительство очевидно сознавало недостатокъ пониманія азіятскими владѣтелями значенія торговли, иначе оно не поручало бы своимъ посламъ допытываться у индѣйцевъ, довольны ли они прибытію царскаго посольства и царскихъ купцовъ и даже домогаться письменнаго выраженія удовольствія. Но съ другой стороны нельзя не признать и того, что московское правительство черезчуръ многаго ожидало отъ торговли съ Среднею Азіею и недостаточно ясно представляло себѣ значеніе торговли съ Индіею. Изъ Бухары, напр., ожидали огромныхъ присылокъ золота и шелку, а въ Индію отправили плохія мѣха и слюдяныя зеркала въ то время, когда

тамъ уже получались европейскіе товары черезъ англичанъ, голландцевъ, португальцевъ и чрезъ персидскихъ армянъ. Съ европейскими мануфактурными и фабричными издѣліями на Востокѣ Московская Россія конкурировать, конечно, не могла, а на отпускъ мѣховъ высокой доброты, которыя высоко цѣнились тамъ, московское правительство скупилось, чтобы ихъ не одешевить.

Московское правительство не было въ состояніи дипломатическимъ путемъ добиться уничтоженія рабства, или по крайней мѣрѣ русскаго невольничества въ среднеазіятскихъ ханствахъ; но въ этихъ стараніяхъ его объ отмѣнѣ невольничества, хотя и вызванныхъ національными соображеніями, мы можемъ видѣть зародышъ будущаго цивилизаторскаго воздѣйствія на эти ханства. Свою цивилизаторскую миссію относительно Бухары Россія начала въ XVII в. ходатайствами объ отпускѣ русскихъ плѣнныхъ и невольниковъ и завершаетъ ее въ XIX в. добившись полной отмѣны невольничества.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Извлеченіе изъ переписной книги 1614 года (№ 1) о грамотахъ Бухарскихъ.

Листъ 173 и 174.

Грамота блаженные памяти къ Царю и великому Князю Ѳеодору Ивановичу всеа Русіи отъ Бухарского Абдулы Царя съ Бухарцомъ съ Магметъ Алѣемъ, во 97 (1589) году.

Грамота Бухарского Абдулы Царя къ Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичу всеа Русіи съ посломъ съ Кадышемъ, во 97 году.

Грамота къ Царю и Великому Князю Ѳеодору Ивановичу всея Русіи отъ Бухарского Абдулы Царя съ человѣкомъ его съ Салтанъ Назаромъ, во 105 году.

Грамота къ Царю Борису отъ Бухарского Бакы Царевича съ посломъ его Аднашемъ, во 109 году.

Грамота Бухарская Абдулы царя, а писано въ ней Московскому Бѣлому Царю, а имени Государю и году не написано.

Грамота къ Царю и великому Князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи отъ Бухарского Абдулы Царя съ посломъ его съ Кутлукъ Адамомъ.

3 грамоты отъ Бухарского Абдулы Царя къ Сибирскому Кучуму Царю да къ Нагайскимъ къ Нуръ Магметю Князю да къ Янъ Исланъ Мурзѣ.

Листъ 186 и 187. 3-й ящикъ, а въ немъ дѣлъ:

2 грамоты къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи отъ Бухарского Абдулы *) Царя, ветхи; одна прислана въ 7099 году, а въ другой грамотѣ году и съ кѣмъ прислана, того не писано—ветхи добре.

Да столникъ, пріѣздъ къ Москвѣ къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи Бухарского посла Хозя Кулѣя.

---

*) *Въ подл.* отъ Дулы.

Переводъ съ грамоты отъ Бухарского Абдуллы *) Царя къ Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи съ посломъ его съ Хозя Кулы Боготыремъ о торговыхъ людяхъ, чтобъ поволно было ѣздить въ Московское Государство и назадъ изъ Московского Государства; да подъ переводомъ грамота Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи къ Бухарскому Абдуллѣ **) Царю, съ тѣмъ же посломъ его, о пріѣздѣ къ Москвѣ и назадъ съ Москвы Бухарцовъ торговыхъ людей; а положено Бухарское дѣло въ томъ же ящикѣ.

Листъ 333. Столпы Бухарскіе:

Списокъ, посольство Юрья Матюнина, какъ онъ былъ въ Бухарехъ въ 86 (1578) году.

Столпъ 95 (1587) году, отпускъ съ Москвы Бухарского посла Магметъ-Алѣя.

Столпъ 97 году, отпускъ съ Москвы и пріѣздъ къ Москвѣ Государева служилого Татарина Байбиря Таишева, а положенъ въ одной коробьѣ съ Нагайскими съ старыми столпы.

Столпъ 108 и 109 году, отпускъ съ Москвы Бухарского посла Кутлукъ-Адама; а положенъ съ Нагайскими старыми въ коробьѣ.

Изъ Титулярника № 1, 6997 (1488) окт.—7085 (1577) г.

Извѣстіе о посольствѣ Хозе-Хурта отъ самарханьскаго царя Сеита. Хозе-Хуртъ привезъ грамоту слѣдующаго содержанія:

(Въ началѣ золотомъ): Богъ святъ.

Въ великихъ превеличайшему и превысочайшему Властелю многимъ землямъ. Преждеи бывшіе великіе государи Дарей и Соломанъ и Ѳеридунъ и Хосревъ были въ государехъ честны и исправедливы, а ты ихъ превыше доброй обычаемъ. Богъ устроилъ тебя добронравна и справедлива, нынѣшнего времяни государи передъ тобою уничижаютца, воздаютъ тебѣ хвалу и славу добрую, что ты достоенъ великаго государства власть держати; какъ солнце осіяетъ свѣтомъ вселенную, такъ же и ты по странамъ славишся добронравымъ и справедливствомъ, аки мѣсецъ во звездахъ именуетца въ государехъ и землями обладатель еси благотворныхъ въ часливыхъ государехъ надъ величайшими превознесенъ еси какъ звезда на небе и желаніе свое отъ Бога получаешь, а приходящихъ иноземныхъ иновѣрцовъ не оскорбляешь, всякому по своей

---

*) *Въ подл.* отъ Дуллы.

**) *Въ подл.* Абуллѣ.

воле на свои промыслы ходить, приходъ и отходъ у тебя доброволенъ. Твоимъ исправедливствомъ твоихъ государствъ люди и иныхъ земель люди подобны есть свечѣ: какъ свеча зажжетца—тму освѣтитъ, такъ и они хотѣние свое исполняютъ отъ твоего исправедливства; твоего государскаго величества благотвореніе подобно древу плодовитому: какъ древо плодъ даетъ людемъ на прохлаженье, такоже добронравіемъ твоимъ богатеютъ люди, отъ Бога дано тебѣ въ людехъ, аки мѣсяцъ во звездахъ имянуетца въ государехъ, высочайшества твоего счастье предъ иными что небо отъ земли, и подобенъ еси Гамаюну, толкуетца царь царемъ еси. Дай Боже веселитись, безпечалну быти государьствомъ. Подобенъ еси Олександру, куда учнешь путышествовати, и то мѣсто исполнитца светлѣйшаго счастья, взоромъ своимъ землямъ обладатель еси и многіе грады и мѣста въ добрѣ пребываютъ на семъ свѣтѣ отъ твоего благодаренья. А сабля твоя уподобися ключу: ключомъ замки отмыкаютца, также которыхъ земель дороги затворятца, и ты своею саблею дороги отворяешь. Въ государехъ святейшій еси: въ которые земли ты пойдешь, и тѣхъ земель государи учнутъ тебя просити миру и покоя землямъ своимъ. Божиемъ велѣньемъ въ кою страну поидешь, и отъ твоего стремяни свѣтлость учнетъ быти во вселенную; для Бога нещадно творишь милостину; всякому Христову вѣру держащимъ началникъ еси, а въ государехъ какъ солнце свѣтелъ еси, какъ Божья сѣнь; отъ отца и матерь зачатъ еси въ частье и великому государьству государь еси во всѣхъ государехъ добромъ славенъ и вѣдомъ еси ведетеся щедры. (На ставѣ нишанъ, а въ немъ писано золотомъ: Салтанъ Саидъ царь, Абу-Саидъ царевъ сынъ)... (Пропускаемъ дальнѣйшія восхваленія)... Чеснѣйшему государю много войска строителя счастливому великому царю Божіею милостію укрѣпи тебѣ Богъ государство твое и помилуй отъ зла земель твоихъ и не оскуди величества и счастья твоего и пошли милость свѣтлую свою на тебя и на твое царство какъ дожжемъ молитву твою. Боже дай тебѣ и землямъ твоимъ приправленье своимъ чистосерднымъ желаніемъ, чтобъ межъ насъ съ тобою дружба и любовь сталася. (Лѣта въ грамотѣ не написано).

Царь Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ въ мартѣ 1567 года грамотою, отправленною съ Хозе-Хуртомъ: „Любви нашей присвоителю и сусѣду ближнему Самарханскихъ странъ содержителю Сеиту царю Абу-Саидъ цареву сыну. Прислалъ еси къ намъ своего вернѣйшего Хозе-Хурта съ грамотою своею и съ поминки, а въ грамотѣ своей къ намъ писалъ еси нашего царскаго имени похваленье“.....

Было посольство отъ юргенчскаго царя въ 1561 году, и ему отправлена грамота съ титуломъ: „Любви нашей присвоителю и сусѣду пограничному, юргенчскихъ странъ здержателю Азимъ Азѣю царю.“

Также посольство юргенское въ 1567 году.

Въ 1561 году было ташкентское посольство и отправлена грамота отъ царя: „Любви нашей присвоителю и сусѣду ближнѣйшему Ташкентьскихъ странъ здержателю Маамет-Дербышю царю.“

По свидѣтельству лѣтописца бухарскій, юргенскій и самаркандскій послы пришли въ 1566 году одновременно 27 декабря, и царь отпустилъ ихъ съ грамотами о купечествѣ. (См. Карамз. прим. къ IX т. № 258).